

МАРГАРИТА ДЮЖЕВА

РАЗОРВАННАЯ ПАРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Дюжева

Разорванная пара

«Автор»

2019

Дюжева М.

Разорванная пара / М. Дюжева — «Автор», 2019

Я тот, кто возомнил себя судьей, палачом, Богом. Прайм, способный подавить волю любого альфы. Но, упиваясь вседозволенностью, забыл о главном: большая власть — большая ответственность, и расплата за ошибки не заставит себя ждать. Хватит ли сил исправить то, что натворил? Сумею ли вернуть ту, что дороже всех на свете? Или древние законы не прощают промахов? Содержит нецензурную брань.

© Дюжева М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	44
Глава 7	54
Г	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Маргарита Дюжева

Разорванная пара

Глава 1

Татьяна

— Согласен ли ты, Руслан, взять в законные жены Татьяну, — раскатистый голос работницы ЗАГСа пронесся по залу, вытряхивая меня из нервного транса.

— Согласен, — Бекетов, не глядя на меня, кивнул, отвечая со всей серьезностью.

— Согласна ли ты, Татьяна, взять в законные мужья, Руслана, — вопрос, обращенный ко мне.

Букет в моих руках затрепетал, да и сама задрожала, как лист на ветру. Голос перехватило на миг, и я испугалась, что сейчас начну мычать. Тихонько кашлянув, ответила:

— Согласна.

Самые важные слова в моей жизни, которую хочу провести рядом с этим мужчиной. Только с ним, только вместе. Украдкой бросила на него взгляд: высокий, статный, уверенный в себе. Тот, ради кого готова на все: и жить, и умереть.

— Жених может поцеловать невесту, — слышу очередную фразу и забываю, как дышать, когда Руслан разворачивается ко мне.

Сердце в груди бьется как заполошное, гудит, раскатисто грохочет, и каждая клеточка рвется к нему. Глаза в глаза, не замечая никого вокруг: ни гостей, ни фотографа, настойчиво щелкавшего камерой чуть ни перед самым носом — только мы с Русланом во всей Вселенной, и больше никого не надо. Склонившись, он целует, осторожно касаясь моих губ. Знаю, что еле держится, что сходит с ума, как и я сама. Нас тянет магнитом друг к другу. Связаны навсегда, и дело вовсе не в подписях, что ставим в большой книге.

Дело в предназначении.

Мы предназначены друг другу судьбой. Истинная пара, нерушимая, крепкая. Раз и на всю жизнь. Переплетены так крепко, что не разорвать, растворились друг в друге, утонули, отдавая все, что есть, не прося ничего взамен. Наша связь идеальна, кристально чиста. Мужчина, женщина. Волк, волчица. Совершенное слияние.

Когда рассказывали о том, что испытываешь, встретив свою пару, я не верила. Сомневалась, что такое возможно, что такое бывает. Оказалось зря. Безупречная связь, четыре звена переплетены воедино, и каждое из них делает нас сильнее.

Гости обступили со всех сторон, засыпая поздравлениями, пожеланиями, напутствиями. Я слушала их, счастливо улыбалась, не веря, что все это происходит со мной. Руслан стоял рядом, приобняв меня за талию, не отпуская от себя ни на миг. Мой любимый собственник.

Свадьбу решили сыграть по всем правилам. На росписи присутствовали самые близкие: отец Руслана, дядя с женой, сестра Наталья, Кирилл — бета клана Черных Тополей и лучший друг Руслана, а с моей стороны только Алиска — подруга, с которой сошлись после того, как я переехала к Руслану.

После официальной церемонии отправились в лучший ресторан города, где нас ожидало торжественное застолье. Здесь уж собрались все: и члены стаи, пришедшие поздравить своего альфу, и представители дружественных кланов, прибывшие выразить почтение Бекетову, ну и мне заодно. Хотя многие из них недоумевали, как он мог связаться с такой, как я, почему связь образовалась именно между нами? Ведь единственное, что во мне было примечательное — это масть волчицы. Редкая, грифельно-серая, с подпалинами. Руслан всегда говорил, что моя

волчица — самая прекрасная из всех, которых ему довелось видеть. Я ему верила. В остальном совершенно обычная, среднестатистическая девушка.

И он.

Мало того, что альфа клана, так еще и прайм, чья воля сильнее любого волка. Неприкосновенный. Его слово — закон. Его взгляд — приговор. Сильный, по-звериному гибкий. Брюнет с глазами цвета янтаря. С врагами — безжалостный, с подчиненными — хладнокровный и требовательный, со мной... со мной он другой. Настоящий, любящий, надежный. Я бы сказала, что он — моя половина, но это не так. Он — мое все. Моя пара, моя любовь, моя жизнь.

Руслан разговаривал с кем-то из важных гостей. Если честно, большую часть народа я не знала. Кто все эти люди? Хотя... людей-то тут как раз и нет. Ни единого. На такие мероприятия простых смертных не пускают. Даже официанты и те оборотни, хоть и низшего звена.

Однако скучала я недолго. Рядом со мной очень быстро нарисовались две мои закадычные подруги.

— Танюш, ты сегодня такая красивая! — проворковала Наташа Бекетова, обнимая меня за плечи.

— Можно подумать, обычно она страшная, как атомная война, — усмехнулась Алиса, подмигивая мне.

— Ну тебя! — Наталья в шутку толкнула ее локтем в бок. — Ну что, девочки? Сегодня, одна из нашей могучей троицы распрощалась с вольной жизнью и связала себя узами брака с моим несносным братом!..

Несмотря на такое заявление, мы прекрасно знали — Наташа своего старшего брата просто боготворит, в рот ему заглядывает и ревностно относится ко всему, что с ним связано.

— ...Теперь он запрет тебя в своем доме и будет выпускать лишь по праздникам, чтобы показать, что ты еще жива, и что он... не залюбил тебя до смерти. Но! — она подняла кверху указательный палец, призывая к вниманию. — Наша дружба будет нерушима!

— Конечно, — мне было так тепло и уютно. — Девчонки, как мне с вами повезло!

Обняла их обеих, прижимая к себе, чувствуя, что еще немного — и разревусь, как сентиментальная дурочка. У меня никогда не было семьи, а в приюте, где росла, с друзьями сложилось. Сначала хотелось, но меня почему-то не принимали, сторонились, а в тринадцать лет, когда впервые обернулась, сама уже не искала дружбы, опасаясь саму себя и свою едва проснувшуюся волчью сущность. Так по жизни и шла, держась от всех в стороне, пока в один прекрасный день судьба не столкнула меня с Бекетовым. Так я обрела друзей, дом и семью, о которой могла только мечтать. Так началась новая жизнь, в которой, оказывается, я могла быть любимой, не одинокой, самой собой.

— Предлагаю на этой неделе устроить девичник! — предложила Алиса, запихивая в рот канapé.

— Так у нас был девичник. Вчера! — я сочла своим долгом напомнить ей этот поразительнейший факт.

— Девичников много не бывает, — категорично заявила подруга.

— Это точно, — Наталья с готовностью ее поддержала, — все, решено! Собираемся в пятницу и идем отдыхать. Компания чисто девчачья, никаких мальчиков! — и очень выразительно посмотрела на меня.

Что я сделаю, если оторваться от него не могу? Если секунда без него дольше года тянется?

— Опять затеваете какую-нибудь авантюру? — к нам неслышно подошел Руслан, улыбаясь той самой улыбкой, от которой дух захватывает.

— Да! — сестрица гордо вскинула подбородок и с вызовом посмотрела на брата. — И тебе, большой страшный волчище, мы ничего не расскажем.

Обычная игра: она делает вид, что готова сражаться с ним, отстаивая свою точку зрения, он делает вид, что сердится на нее, и все это прекрасно понимают и знают — альфа души не чает в младшей сестре и иначе как «мелкой егозой» не называет,

— Мне даже страшно подумать, что вы тут замыслили, — он обвил мою талию руками, прижимая к себе и целуя в макушку.

— Так! Давайте-ка без своих телячьих нежностей! — проворчала Наталья.

— Ничего не знаю, — Руслан чуть сильнее сжал меня, — она моя законная жена, так что имею полное право делать с ней все что захочу, где захочу и когда захочу!

— Слышала, Тань? Ты попала в лапы к настоящему тирану! Диктатору и самодуру!

— Кто-то сейчас получит по своей мелкой наглой заднице, — проворчал Рус, на что Наташа показала ему язык, скорчив смешную мордочку, а я рассмеялась. Как же мне нравилось вот это семейное подтрунивание друг над другом.

— Потанцуем? — склонился ко мне, прошептав чуть ли не на самое ухо.

По телу дрожь, и мысли кружатся в бешеном хороводе. Дурею от его близости, теряя себя, растворяясь в нем. В своих чувствах к нему. Волчица внутри довольно заворчала, потянулась за своей парой.

— Давай, — согласившись, вложила в его раскрытую ладонь свою маленькую руку и доверчиво последовала за мужем.

— А сейчас, дорогие гости, самый романтичный момент этого вечера. Наполненный обжигающей страстью и щемящей нежностью. Вашему вниманию представляем танец молодых!

Тут же почувствовала, как по телу прошелся миллион острых иголочек — чужие волчьи взгляды. Пристальные, выхватывавшие каждую деталь, ловившие каждое движение. На миг я растерялась от того, что придется танцевать перед всеми ними, но Руслан ободряюще улыбнулся, одними губами беззвучно прошептал «я тебя люблю», и паника рассыпалась на миллион осколков. Мне нечего бояться или смущаться, потому что он со мной, держит в своих сильных руках, как ценнейшую драгоценность.

Мы начали танцевать. Из динамиков лилась прекрасная музыка, от которой сердце замирало, и душа дрожала, все взгляды прикованы к нам. Двигались в центре круга как единое целое — он начинает, я продолжаю. Я как гибкая лоза, а он — надежная скала, опора. Без страха откидываюсь назад, прекрасно зная, что удержит. Не даст упасть. Никогда.

Когда танец закончился, мы замерли, схлестнувшись полыхавшими взглядами, а вокруг бушевали аплодисменты, одобрительные крики. Я ничего не видела, все смешалось в пеструю массу: звуки, краски, запахи. Безумная карусель, подхватившая меня внезапным вихрем. Но в центре всего — Руслан, занимающий весь мой мир.

Тяжело дыша, смотрели друг на друга, не в силах насмотреться. Кровь внутри закипала, пульсировала на кончиках пальцев. Грифельная волчица рвалась на свободу, к своему волку. Руслан, хищно прищурившись, смотрел на меня, мои губы, и этот взгляд обещал ночь, которую никогда не забуду. Смущенно отвернувшись, чувствуя, что становится немного легче дышать — наваждение отступало.

Не верю в свое счастье.

После танца мы вернулись на свое место во главе стола. Я жадно пила минералку из красивого бокала, пытаюсь загасить пожар. Не скажу, что полностью получилось, но легче стало. Тем временем рядом с нами появился мужчина лет сорока, среднего роста, крепко сбитый, с блестящей гладко выбритой головой.

— Руслан Андреевич, — отстранено, но с почтением произнес он, — поздравляю.

Бекетов даже не подумал встать, что поприветствовать поздравляющего. Смерил его равнодушным, оценивающим взглядом:

— Что, у альфы клана Штормовых нашлись более важные дела? — спросил надменно, и мне захотелось его толкнуть. Такой хороший вечер, зачем его портить?

Мужчина сдержанно улыбнулся:

— Он приносит свои извинения за отсутствие. У его сестры сегодня первый ребенок родился...

— И что? Сестра — не жена. Там счастливый муж должен сидеть и за руку держать. Мы могли и не присылать приглашение, позвали бы кого-нибудь другого, раз он не в состоянии свой клан достойно представить.

Ну началось! Сейчас он опустит беднягу ниже плинтуса, задавит своей железной энергетикой. У того аж лысина еще больше заблестела, покрывшись мелкими капельками пота. Надо спасать ситуацию.

— Руслан, налей мне, пожалуйста, шампанского! — попросила, ласково заглядывая в глаза, а рукой под столом, так чтоб никто не видел, по бедру провела, шаловливо перебирая пальчиками.

Янтарный взгляд потеплел, в нем зажглась многообещающая усмешка:

— Конечно, — и потянулся за дорогой бутылкой, отпуская взгляд волка. Тот исподтишка облегченно выдохнул и поспешил прочь, подальше от прайма.

— Ты зачем к бедняге прицепился? — шепчу на ухо мужу.

В ответ он лишь пожал плечами и невозмутимо, без тени смущения, ответил:

— Ничего страшного. Пусть знает свое место.

— Да ладно тебе! Все и так знают, что ты большой страшный серый волк. Незачем демонстрировать это сейчас, на нашей свадьбе.

Он притянул мою руку к губам и легонько поцеловал, отчего по коже побежали мурашки — по руке и шее к волосам.

— Хорошо, — подмигнул лукаво, прекрасно зная, как его прикосновения на меня действуют, — только ради тебя.

— Спасибо, я польщена, — склонила голову, а сама из-под ресниц смотрела на него игриво и насмотреться не могла.

Вечером, когда веселье было в полном разгаре, Руслан незаметно вывел меня в коридор, туда, где никого не было:

— Сбежим? — янтарные глаза полыхали, и мне хотелось в них раствориться, сгореть дотла.

— Как же гости? — в нерешительности оглянулась. В зале было шумно, играла музыка, ведущий зажигал толпу, народ веселился, не замечая нашего отсутствия.

— Пусть сами развлекаются, — пренебрежительно отмахнулся Руслан, притягивая к себе собственническим жестом, — поехали домой.

— Руслан! Они все к нам пришли! Это же наша свадьба.

— Вот именно — наша! Это наш день. Наш праздник. И я не собираюсь ни под кого подстраиваться.

— Руслан!

Губами впился, стирая мой протест, придавил к стене, сжимая сильными руками бедра. О, Боги! Перед глазами темнело, в крови разгорался огненный шторм — тело моментально откликнулось на его ласку. Бекетов отстранился, насмешливо глядя на меня, и невинно поинтересовался:

— Все еще хочешь остаться здесь? — рисовал пальцами замысловатый узор на моем плече. Каждое его прикосновение как разряд электричества, пронизывающий до самых костей. — Или поедem домой?

— Поехали, — встав на цыпочки, сама легонько его поцеловала и тут же игриво вывернулась из объятий.

— Таня, — многообещающе протянул он, делая шаг ко мне, — от меня не убежишь.

— А я все-таки попробую! — подхватив длинный подол белоснежного платья, побежала, звонко цокая каблучками. Только побег мой длился недолго — Руслан в два шага настиг, подхватил на руки и закружил, прижимая к себе.

— Маленькая чертовка.

Дыхание перехватило от его близости.

— Я тебя люблю, — прошептала, нежно проведя кончиками пальцев по гладкой щеке.

— И я тебя, — он поймал мою ладонь, поцеловал и поставил меня на ноги, — пойдем отсюда.

Как два шпиона, мы выскользнули из ресторана, не оглядываясь, добежали до машины, припаркованной неподалеку, и уехали, ни о чем не жалея.

Руслан, конечно, самодовольный эгоист, но в чем-то он прав — у нас свой мир, свой праздник. Он только наш. Его и мой.

По темным пустынным улицам мы добрались до окраины города, вывернули на трассу и понеслись стрелой. Проскочили мимо указателя, обозначающего дорогу к Черным Тополям — закрытому коттеджному поселку, где проживает клан Бекетова. Дальше до развилки — на узкую дорогу до Синеборья, принадлежавшего нашей стае.

Боги! Наша стая! Сама себе не верила! Я теперь не одиночка, а часть этой стаи, такой же, как и остальные. Они приняли меня, признали своей, и мне плакать от этого хотелось. Я о таком и мечтать не могла!

К усадьбе подъехали уже было к полуночи. Машина уютно шелестела шинами по дорожке, когда въезжали на частную территорию, и охранник закрыл за нами ворота. В этот момент на телефоне мужа заиграла веселая мелодия.

— Глянь, кто там, — Руслан просто кивнул на мобильник, лежавший на панели.

— Кирилл, — отозвалась, глядя на фотографию друга.

Красивый жгучий брюнет с зелеными, как весенняя листва, глазами. Хорош собой, уверенный, спокойный. И когда улыбается, на щеках появляются ямочки. Он бы непременно мне понравился, если бы не была давно и беспросветно влюблена в супруга. По уши, неизлечимо, до конца дней своих.

— О, хватились, наконец! — рассмеялся Руслан, метнув на меня озорной взгляд. Как мальчишка! Сил нет, как хотелось к нему прикоснуться. Но я сдержалась, понимая, что тогда из машины мы точно не выберемся. — Ответь ему.

— Слушаю! — произношу, давясь хохотом.

— Вы куда пропали, молодожены? — подозрительно поинтересовался бета. На заднем плане играла музыка, шумели разномастные голоса. — Мы вас потеряли!

— Мы уехали, — просто призналась, наблюдая, как Руслан паркуется.

В усадьбе машины доезжали только до просторной парковки, а дальше — пешим ходом. Здесь не было места технике. Особняк, построенный в конце девятнадцатого века, утопал в девственной зелени. Лес подступал к самому крыльцу. Свежий, дикий, прекрасный в своей необузданности. Это рай для волков. Для тех, кто хотел быть ближе к природе, кто устал сдерживать свои звериные порывы, кто хотел выпустить себя на свободу.

— Как уехали? — изумился Кирилл.

— Вот так!

Руслан припарковался и теперь дразнил меня — нырнув рукой под юбку, медленно вел по бедру. По спине мурашки, и голос дрожал. Проклятье! Нашел момент! Попыталась отстраниться, оттолкнуть наглую лапу, но он лишь тихо рассмеялся и продолжил свою диверсию.

— Ты говори, говори, — прошептал, а в глазах скакали веселые бесята.

— И куда же вы уехали? — Кир не унимался и, судя по звукам, пытался отвязаться от какого-то настырного гостя или, скорее, гостыи.

— В Синеборье! — созналась, чуть не охнув в голос, когда ловкие пальцы добрались до кружевного белья.

— Ну вы даете! — присвистнул Кирилл. — И что мне тут с гостями делать? Они сейчас вспомнят о вашем существовании и ринутся на поиски.

— Девчонок подключи. Они мигом толпу построят, — предложила я, тяжело дыша.

— Ладно, разберемся, — вздохнул Кирилл, — отдыхайте.

— Спасибо, — поблагодарила и сбросила звонок.

В тот же миг Руслан притянул к себе, приник губами, нетерпеливо лаская, доводя до беспамятства.

— Рус... Руслан, — выдохнула, еле отстранившись, — стой! Остановись! Прекрати!

— Почему? — голос с хрипотцой, глубокий, затрагивающий что-то внутри меня.

— Давай не будем нашу первую брачную ночь проводить в машине? — усмехнулась, иронично подняв брови. — Не об этом твоя невеста мечтала!

— Жена! — поправил меня серьезно и отпустил. — Пойдем.

Ночной воздух был наполнен миллионами запахов: ночных цветов, раскрывших нежные бутоны, рекой, что протекала в километре отсюда, полночной влажной землей. И звуки доносились со всех сторон тихие, наполненные жизнью. Вот где-то среди ветвей расправил крылья старый филин, сорвался с ветки, раскатисто ухнув, и полетел прочь. Настороженно принюхиваясь, близко к дому подошла робкая полевка. Журчание ручья, пробивающегося среди камней, смешалось с ленивым шелестом листвы.

— Идем.

Руслан протянул мне руку, я без раздумий вложила в нее свою ладонь, и тут же меня окутало ощущением надежности, защищенности. Ощущением того, что мой мир, наконец, стал цельным, обрел смысл, сделав меня самой счастливой из женщин, из волчиц. Муж повел меня по дорожке, но не к дому, а в лес, туда, где между кустами жасмина виднелся проход. По едва заметной тропочке мы брели вперед, сохраняя тишину. Руслан лишь изредка немного крепче сжимал мою ладонь, и я ему отвечала тем же. Наконец, мы вышли на небольшую поляну, залитую голубоватым таинственным светом полной луны. Наше любимое место. Бекетов без слов притянул к себе, ладонью зарылся в волосы, вытаскивая шпильки из высокой прически. Тут же локоны разметались по плечам шелковистым водопадом. Он снова поцеловал, в этот раз медленно и нежно, смакуя каждый момент, каждое прикосновение.

— Скажи, мы будем счастливы? — внезапно спросила я и осеклась, не понимая, откуда такой вопрос вообще взялся. Я уже счастлива! И каждый новый день с ним как подарок судьбы.

— Конечно, будем, — Руслан ответил со всей серьезностью, обхватив мое лицо ладонями и заглядывая в глаза.

Взгляд прайма пробирал до самых костей, проникал в каждую клеточку. От него ни спрятаться, ни скрыться. Да я и не хочу, наоборот — открываюсь ему навстречу, полностью отдаваясь во власть чувств. Пусть видит, как сильно я его люблю.

Глава 2

Бекетов

Утренний свежий ветер мазнул легкими порывами по спине, заставляя ежиться, выныривать из сна. Наша поляна, усыпанная алмазными брызгами утренней росы. Солнце, пробивавшееся сквозь резные кроны берез. И мы с Татьяной. Она свернулась калачиком у меня под боком, забавно подложив ладонь под щеку. Я не спешил ее будить, наслаждаясь утренней тишиной, рассматривал ее. Длинные, трепетавшие во сне ресницы, красиво очерченные брови, узенький аккуратный носик, пухлые губы сочного цвета дикой малины. Так и хотелось прикинуть к ним, поцеловать, провести языком, проникая внутрь. В длинных русых волосах запутались травинки. Осторожно, чтобы не разбудить, прихватил одну из них, потом следующую. Не могу остановиться — пропускаю шелковистые пряди через пальцы.

Она во сне улыбается и еще плотнее прижимается ко мне. С ума схожу от ощущения гладкой кожи, мягкого податливого тела рядом с собой. Это не просто страсть, это что-то другое — пронизывающее до кончиков пальцев, не дающее шансов уцелеть. Я сражен, сдался без боя. Она делает меня сильнее, и в тоже время перед ней я беззащитен, полностью открыт. Сладко и страшно одновременно. Такое бывает только со своей парой, с той, которая идеально подходит, словно мы детали одного пазла.

Наслаждаясь каждым миготом близости, провожу кончиками пальцев по плечу, и ее кожа тотчас покрывается мурашками. Прикасаюсь губами к шее, целую, чуть прикусывая. Девушка сонно бубнит мое имя, не раскрывая глаз, оборачивается ко мне, подставляя сладкие губы для поцелуя. Нежные, припухшие после ночи, проведенной со мной. Я целовал ее то медленно, то жадно, будто путник, добравшийся до воды, пытавшийся утолить жажду.

— Руслан, — простионала она чуть позже, когда довольные и счастливые начали собираться домой.

— Да?

— Ты посмотри, что мы натворили! — она подняла с земли платье, которое еще вчера было ослепительно белоснежным, а сегодня представляло собой жалкое зрелище. Смятое, в пятнах от травы, разорванное сбоку так, что не исправишь.

— Бывает, — пожал плечами.

Тряпкой больше, тряпкой меньше, но девочки трепетно относятся к свадебным платьям. Вот и Таня стояла напротив меня, сжимая в руках испорченную вещь, и у нее от волнения дрожала губа.

— Руслан, ты не понимаешь! Это примета плохая. Разорванное свадебное платье — это к...

— К тому, что у нас была безумная, страстная, обжигающе горячая брачная ночь, — перебил ее панический монолог, — и я тебя уверяю, оно еще легко отделалось, я вполне был готов его на лоскуты разодрать, лишь бы до тебя добраться. Если тебе его так жаль, можем устроить пышные проводы.

— Тебе все шуточки, — ворчит она, — а домой мне, по-твоему, голой идти?

— Оборачивайся, и никто не узнает, что моя дорогая жена сверкала голой попой в лесу.

— Ты невыносим, — она закатила глаза, отступая в сторону.

Попробовала надеть платье, прикрыть разорванное место руками, но все бесполезно — оно расплзлось, обнажая красивую грудь, от которой взгляд невозможно оторвать. Поняв тщетность попыток, махнула рукой и бесцеремонно отобрала у меня пиджак, накинула на плечи, едва не утонув в нем, и довольно улыбнулась. Практически в тот же миг раздалось гудение телефона в кармане. Она нащупала его, достала и не глядя протянула мне. Увидев на экране Кирилла, порывисто ответил:

— А еще раньше позвонить нельзя было? Часиков так в пять? — с изрядной долей иронии поинтересовался у него.

— Еще один объект сгорел. Я на месте, разбираюсь, что к чему, — без предисловий начал бета.

Твою мать!

— Сейчас приеду, жди, — отключился и начал быстро одеваться.

— Что случилось? — молодая жена обеспокоено заглядывала в глаза.

— Проблемы на работе, срочно надо ехать, — произнес сдержанно, мыслями уже в проблеме, и, взяв ее за руку, быстрым шагом направился к усадьбе.

Танюша сникла, расстроено опустила плечи и без лишних вопросов последовала за мной.

— Солнышко, не расстраивайся, я приеду сразу, как все улажу. Не переживай.

— Я не переживаю. Мне просто не хочется с тобой расставаться.

— Мне тоже. Я постараюсь вернуться как можно быстрее.

— Постарайся.

— Второй объект! — хлопнул ладонью по столу так, что стоявшие напротив заместители дружно вздрогнули. — Кто-то запарывает нам второй объект за последние три месяца. И вы не знаете кто это?!

Глаза в пол, хвосты поджали, молчат. Правильно делают! Оправдания и пустые слова мне не нужны! Мне нужен результат!

— Куда служба безопасности смотрит, а? — смерил главного безопасника яростным взглядом. Он нервно поправил воротник рубашки, на лбу появились капельки пота. — Не слышу ответа?

— Мои люди всегда на местах...

— На каких? Значных?

Он покраснел не то от возмущения, не то от обиды, но взгляд от пола не поднял. Знал, что если поймаю — сомну к чертям собачьим так, что потом неделю в себя приходиться будет.

— А чем мой бета занят, если все из-под контроля вырвалось? Прохлаждается, положив болт на свои обязанности? — перекинулся на Кирилла.

Тот держался более достойно: руки за спину, челюсти стиснуты так, что желваки ходят, взгляд на уровне моего плеча — выше не поднимает, опасается. Молчит, не смеет прилюдно перечить, хотя вижу, что распирает. Нехер! Налажал, все проворонил, теперь пусть заткнется и обтекает.

— Набрал бездарей! Толку никакого, хоть сам все делай!

Я в сердцах поднялся и отшвырнул кожаное кресло в сторону. Подошел к окну и, сунув руки в карманы, долго смотрел на город, простилающийся внизу.

Как же меня все бесит!

Терпеть не могу, когда кто-то ломает мои планы, вставляет палки в колеса, да еще вдобавок трусливо прячется, выжидая удобного момента для укуса исподтишка. Еще эти, стоят как бараны тугие, глазами хлопают. Может, разогнать всех нахер? Пусть валят, я на их место быстро замену найду, порасторопнее.

Кто же решил дорогу мне перейти? Загорский? Вряд ли. У нас перемирие, он мужик умный и нарушать его не станет... до поры до времени. Семеновские? Там альфа ушлый, пронырливый, но не думаю, что решит в мою сторону тявкать. Кто еще? Не знаю. У остальных ни сил, ни храбрости, ни возможностей. Это надо быть либо отмороженным настолько, чтобы берегов не видеть, либо бессмертным, потому что расправа будет жестокой. Надо искать. Землю носом рыть, ведь не могло вообще следов не остаться.

— В общем, как хотите, но чтоб к пятнице у меня на столе лежал полный перечень лиц, задействованных в этом дерьме, — произнес не оборачиваясь, — понятно?

— Да, — ответил нестройный хор голосов. Точно бараны! Пока хвосты не накрутишь, работать не начнут.

— Все свободны. Кирилл задержись!

Все оборотни, кроме беты, покинули кабинет. Я прямо чувствовал, как они стремятся оказаться подальше от меня. Слабаки! Нечаев с места не сдвинулся. Я его взгляд спиной чувствовал, знал, что он сейчас не смолчит. Кроме того, что он бета клана, Кирилл еще и мой друг с самого детства. Единственный, кому позволено перечить. Наедине. Прилюдного неповиновения я не потерплю даже от него.

— Что скажешь? — интересуюсь, не скрывая сарказма.

— Какого черта ты на всех наехал?

— Мне следует закрыть глаза на вашу нерасторопность? На выполнение обязанностей спустя рукава?

— Ты же знаешь — это не так! — твердо произнес он, подходя ближе. — Все делают то, что должны. Клан работает как часы!

— Серьезно? — хмыкнул. — Тогда объясни мне, как мы просрали два объекта за столь короткий срок?

— Не знаю, — он встал рядом и тоже уставился на город, — первый раз не нашли никаких следов и решили, что случайность.

— Молодцы! Что я могу еще сказать?! Просто молодцы!

— Исправимся. Теперь мы их найдем.

— Конечно. Сначала дождемся, когда гром грянет, получим миллионные убытки, а потом пойдем исправлять. Отличный подход!

Он промолчал. А чего тут скажешь? Результат на лицо.

— К пятнице у тебя будут имена тех, кто за этим стоял.

— Не сомневаюсь, — кивнул, отпуская его, и бета бесшумной тенью удалился, оставив меня в гордом одиночестве.

Еще немного постоял, подумал о внезапно нарисовавшейся проблеме. Неприятно, но не смертельно. Разберемся. Виновных найдем и покараем, убытки отобьем — впервой, что ли, с проблемами в бизнесе сталкиваться? Все это суета, пора возвращаться домой, туда, где меня жена молодая ждет — вот что важно, а не эти провалы на объектах.

Воспоминания о Татьяне светлым лучиком разогнали хмурое настроение. Подхватив пиджак со спинки кресла, я вышел из кабинета и направился домой, к Тане. По пути заехал в салон цветов и купил огромный букет белоснежных роз, от которых она без ума. Все что угодно ради ее улыбки, ради восхищенного взгляда, наполненного обожанием.

— Тань, давай в Питер махнем? — предложил своей волчице, пританцовывающей у зеркала в новом летнем платье.

— В Питер? — недоверчиво посмотрела на меня. — Когда?

— Прямо сейчас, — мне нравилось ее удивлять, нравилось, как она озадаченно замирала, хмурилась, пытаясь понять, шучу или нет. Такая забавная.

— Сейчас? — уточнила, подняв бровь.

— Конечно.

А почему бы и нет? Почему мы не можем сделать это прямо сейчас? Можем! Тем более рейс до Питера через пару часов! Подхватился с места, подошел к ней в два шага и притянул к себе. Впился в губы жадным поцелуем. Таня подалась навстречу, обвила шею руками, прижимаясь гибким телом. Не дал себе воли — оторвался, хоть и хотелось продолжения, за руку ее схватил и потащил за собой к выходу

— Руслан! — только пискнула она, едва успевая ноги переставлять. — Ты чего? Стой... — Я только улыбнулся и сильнее сжал теплую ладошку. — Куда ты меня ведешь? — упиралась она, не приняв всерьез мое предложение.

— В Питер, — односложно ответив, сам схватил ее сумочку с тумбочки в коридоре.

— Ты... ты серьезно?

— Серьезнее не бывает!

Спустя три минуты, мы уже выезжали из Черных Тополей в аэропорт.

— Чем мы будем заниматься Питере? — поинтересовалась она, недоверчиво поглядывая на меня.

— Чем захочешь. Погуляем. Покатаемся по каналам. Махнем в Петергоф. Или чем там еще в северной столице занимаются?

У нее от волнения щечки зарумянились, и в красивых глазах зажегся огонь предвкушения.

— Петропавловка?

— Да.

— Разводные мосты?

— Да.

— Дикий секс у фонтанов? — поинтересовалась, игриво стрельнув глазками.

Она тоже умела удивлять, и за маской послушной скромницы скрывалась игривая, раскрепощенная соблазнительница, умело игравшая на моих слабостях

— О, да!

— Вот и договорились, — кивнула серьезно, а потом не выдержала и рассмеялась. И я следом за ней.

Машину мы оставили на платной стоянке и отправились внутрь огромного блестящего здания аэропорта. Багажа у нас не было, зато был статус вип-клиента, поэтому регистрацию прошли быстро у отдельной стойки. Небольшой самолет внутренних авиалиний был наполовину пуст, а в первом классе, которым мы летели, вообще ни единого человека, кроме нас с Таней. Едва успели устроиться в удобных креслах, как рядом с нами нарисовалась стюардесса. С четко выверенной безупречной улыбкой поинтересовалась, чего мы желаем, всем своим видом показывая, что готова на все, лишь бы удовлетворить запросы взыскательных пассажиров. Вернее, пассажира. Это я чего-то все требовал, а Таня сидела на своем месте, скромно сложив руки на коленях, вежливо отказываясь от всего, что предлагала стюардесса.

Жена так не похожа на девиц, с которыми встречался ранее. Она скромная, не для вида, не для игры, а по-настоящему. И ей действительно нужен только я, а не деньги или красивая жизнь. От этого еще больше хочется положить к ее ногам все, что имею.

Стюардесса пожелала нам приятного полета и оставила наедине.

— Ты летала когда-нибудь на самолетах? — спросил, наблюдая за тем, как пристально она смотрит в иллюминатор, как в сотый раз проверяет, застегнут ли ремень безопасности.

— Нет, — улыбнулась смущенно, по-детски, с восторгом, затаившимся в серо-голубых глазах.

— Боишься?

— Ни капли, — решительно покачала головой, — но это так волнительно.

Не врала. Она никогда не врала. Ее эмоции как на ладони. Страх действительно нет — не чувствую его. Лишь детская непосредственная радость.

— Тебе понравится, — сжал прохладную, чуть подрагивавшую ручку.

— Я знаю, — Таня кивнула и снова приникла к иллюминатору, потому что самолет начал свое движение.

С ней все как в первый раз. Будто мир заново открываю. В моей жизни было если не все, то очень многое, а для Тани все в новинку. Мелочи, на которые и внимания не обратил бы, для нее целое приключение.

Питер нас встретил своим фирменным свинцово-серым небом и накрапывавшим дождем. Проклятье! Я рассчитывал на хорошую погоду, а тут, как всегда. Думал, Таня расстроится, а она лишь в ладони хлопала восторженно, со словами «тут дождь особенный, породистый». Надо же. Дождь породистый. Скажет, так скажет.

Впрочем, из-за плохой погоды долго переживать не пришлось, буквально через час после нашего прибытия тучи словно кто-то стер с неба, и выглянуло ласковое солнце. Первым делом мы отправились гулять по городу. Конечно же, Таня захотела увидеть Невский проспект. Оттуда наше путешествие и начали. Побродили возле Казанского собора, перекусили в уютном кафе, а уж когда Таня обнаружила Дом Книги, предела восторгам не было. Она обожает читать. Часами может провести за книгой, сосредоточенно закусив губу от волнения, смеясь над забавными местами или обливаясь слезами на особо трогательных моментах. И тут, попав в книжное царство, она просто потерялась. Бегала между стеллажей, зависая то у одной полки, то у другой, листая шелестящие страницы, дергая меня за рукав со словами «Руслан, ну посмотри же, какая прелесть!» М-да. У кого-то женщины так по магазинам с одеждой бегают, пища при виде новых шмоток, а моя в книжном заливает. Еле увел ее оттуда, прихватив собой увесистый пакет книжных новинок, которых она все-таки набрала...

Ужинали в ресторане с видом на Неву, наперебой делясь впечатлениями и мыслями. Особо болтливым никогда не был, а с ней превращался в беспечного пацана. От ощущения свободы голова шла кругом, и с каждым мигом любил ее все больше.

Потом был калейдоскоп развлечений. Водная прогулка по ночным каналам, разводные мосты, утро над гордой рекой. Уставшие, но счастливые, сняли номер в первой попавшейся гостинице, поспали несколько часов и отправились дальше впитывать красоту Северной Столицы. Мы были в музее, в парке, покатались на огромном колесе обозрения, с которого открывался изумительный вид.

На метеоре — в Петродворец, чтоб погулять по шуршащим дорожкам. С детьми вместе бегали у фонтана в поисках волшебного камня, включающего воду. Поцелуи украдкой под Грибком, не желавшим выпускать из водного плена. Хот-дог горячий из палатки. Все эти мелочи складывались в самый прекрасный день в нашей жизни.

Вечером отправились в один из питерских ночных клубов, где танцевали до упаду, целовались, как сопливые подростки, прижимаясь друг к другу в разгоряченной толпе.

Не обошлось без небольшого инцидента. Едва я отошел к барной стойке за водой, как к Тане подвалил какой-то гопник:

— Детка, давай потанцуем.

Я был в стороне, но услышал сквозь какофонию звуков его противный голос и Танино категоричное «нет».

— Че ты ломаешься? — не отставал от нее урод.

Волк моментально взвился и ринулся на защиту своей самки.

— Вали отсюда, — процедил сквозь зубы, подходя к ним. Таня тотчас же прильнула ко мне, ища поддержки, обвила мою талию худенькими руками.

— А то че? — нарывался он, явно находясь под воздействием какой-то дряни.

— Ничего, — перехватил руку, которую он неосмотрительно протянул к моей жене, намереваясь ущипнуть за бедро. И сжал. Крепко, не по-человечьи. Остановившись на грани. Еще чуть больше усилий — и кости я бы ему раскрошил.

Идиот охнул, дернулся, но я его держал.

— Сука, да я тебя... ай!

Я сжал еще сильнее, выворачивая ему кисть.

— Что ты сказал? Я не расслышал, — поинтересовался у него с участливой улыбкой

— Все хорошо, — выдавил он сквозь стиснутые зубы, — мне пора.

— Вот и славно, вот и молодец, — отпустил, по-дружески по плечу потрепал и, склонившись ближе, по слогам отчеканил, — проваливай на хрен. Чтоб духу твоего не было.

Уродец, прижимая руку к груди, метнул на меня испуганный взгляд и растворился в толпе. Крестина кусок.

— Ты его напугал, — мягко произнесла Таня.

— Ему повезло. Легко отделался, — привлек ее к себе.

— Да, ладно. Милый парень, мне понравился, — чертовка злила меня, игриво стреляя глазками, — будь я здесь одна...

— Таня, — протянул предупреждающе, — не дразни меня.

— Даже не думала, — невинно хлопала глазками.

— Ты моя! — прорычал, прижимая плотнее к себе, скользя по ее лицу полыхавшим взглядом.

— Твоя, — улыбнулась и, встав на цыпочки, поцеловала в губы, — кстати, кто-то зажал бурный секс у фонтана.

С ней моментально переключаюсь с одного на другое. Секунду назад злился, а сейчас судорожно пытаюсь придумать, где взять фонтан. Она с ума меня сведет!

Это были прекрасные три дня, проведенные в Питере, наедине друг с другом. Мы наслаждались нашим маленьким мирком на двоих. Масса положительных эмоций, новых впечатлений, но время неумолимо бежало вперед, и настала пора возвращаться домой. Мысленно обещал себе взять отпуск недели на две, скинув все заботы на замов, и увезти ее к морю, туда, где тепло, где ласковое солнце и золотистый песок, где шум прибоя и крики чаек над волнами. Это будет. Непременно. Но чуть позже. Сейчас надо разобраться с неотложными делами. Надеюсь, Кирилл вместе со службой безопасности нарыли информации о тех, кто причастен к диверсиям на объектах. Надо решать проблему пока она не разрослась еще больше. Придавить гадов, посмевших сунуться в мои дела.

Едва мы вернулись домой, как позвонил Нечаев, словно почувствовав мое присутствие в городе:

— С возвращением, — по-деловому произнес он.

— Спасибо.

— Как отдохнули?

— Прекрасно. Есть новости?

— Новостей хоть отбавляй. Мы нашли их.

— Загорские? — сразу озвучил свои подозрения относительно главных конкурентов.

— Нет. Мелкие шавки, решившие поиграть в большие игры, — пренебрежительно фыркнул бета.

— Ладно, завтра разберемся, сегодня я еще дома, с женой.

— Как скажешь.

— Все, давай, до встречи.

— Пока, Тане привет, — он всегда передавал ей привет, убежденный в том, что мне повезло с парой. Впрочем, так и есть, она лучшая, любимая, моя.

Татьяна, до этого времени смотревшая в окно, обернулась ко мне и встревожено спросила:

— Все в порядке?

— В полнейшем, — ободряюще сжал ее руку, — лучше не бывает.

Уродов этих прижмем, так, чтобы надолго запомнили, и вообще все замечательно будет.

Глава 3

Бекетов

На следующий день, спозаранку я пришел на работу, где меня уже ждал Кирилл с полным отчетом о проделанной работе. Уроды, устроившие нам две диверсии подряд, были уверены в своей безнаказанности. Полагали, сунутся, сорвут мне планы и выйдут чистыми из воды? Думали, не доберусь, не стану тратить время на мышиную возню? Зря. Хочешь быть на вершине, следи даже за самым мелким дерьмом. Это мой принцип по жизни. К их большому сожалению, они этого не знали. Думали, добрый? Спущу на тормозах? Поругаю и оставлю в покое? Это не про меня. Хотя шаг к мирному урегулированию конфликта я все же сделал — отправил посыльного с требованием явиться ко мне в офис.

Не пришли, проигнорировали, предпочли попытаться спрятаться. Кретины. Я не терплю неповиновения и не люблю, когда меня разочаровывают, а они своим отчуждением лишь приговор себе подписали. Злость требовала выхода, поэтому не стал своих волков одних посылать на разборки, отправился с ними, предвкушая хорошую охоту.

Мы нагрянули к ним в деревню ночью, но застали лишь пустые дома — шакалы сбежали, решили, что спрячутся, только не знали, как далеко простиралась шупальца моей власти. У меня по ним вся информация: кто, где, куда. Полный анамнез. Обнаружив безлюдное жалкое поселение, не откладывая, бросились к заброшенным складам на окраине города, где их стая обосновала временное логово.

Они были так уверены в своей неуязвимости, в том, что их не найдут, что, сидя у пылавшего в проржавевших бочках огня, распивали водку и смеялись над плоскими шутками, считая свой побег тринадцатым подвигом Геракла и не замечая того, что окружены, а все пути для отступления отрезаны. Я даже снизошел до того, чтобы пять минут послушать их бред. О том, как они круты, как они вертели на херу всех вокруг, а в особенности меня. Бунтари, твою мать! Разрушители системы. Я бы еще понял, если бы во главе этого сброда стоял молодой амбициозный волчара, сражавшийся против всего мира из-за отсутствия ума и опыта. Но здесь! Обрюзгший блохастый неудачник в окружении таких же недооцененных гениев современности. Отвратительные своей расхлябанностью, грязные, не вызывавшие ничего, кроме тошноты.

Я наблюдал, как их альфа, которого все почтительно звали «батей», стоял в центре круга, изрыгал из себя потоки ереси, приправленные похабными шутками о том, что они всех прогнут, нагнут и по самые яйца натянут. У него на руке висела полупьяная бабища, громко вульгарно смеясь над каждой плоской фразой, будто это — венец остроумия. Она прямо млела от «бати», не стесняясь, при всех наглаживала вздыбленную ширинку.

Кир, притаившийся рядом, скорчил брезгливую гримасу, наблюдая за этим дерьмом. Все довольно. Насмотрелись, прониклись — пора прикрывать лавочку. Кивнул еле заметно, и все мои приготовились, подобрались, готовые ринуться на противника.

Поехали!

Все как по команде ворвались внутрь: через окна, двери, проломы в обвалившейся стене. Горе-революционеры заметались в панике, побросали дешевое бухло, разорались, бросились врассыпную. Кто-то повалился на пол, запутавшись в своих пьяных ногах, кто-то перекинулся, а мои драли всех без разбору. Не до смерти, а так, чтобы обездвижить, размазать. Мне было противно мараться об этих недооборотней. Одного сбил, налетев грудью, полоснул зубами по боку, раздирая шкуру. Мне нужен их главный.

И тут грянул выстрел, эхом разнесся по пустынному заброшенному складу, а следом визг раненого волка.

Моего!

И голос их предводителя:

— Так их, братцы, застрелим, как свиней!

Кровавая пелена перед глазами. Никто не смеет причинять вред моей стае! Ринулся, настрелявшего, уже целившегося в другого волка. Вцепился зубами и оторвал кисть вместе с оружием, потом в рожу вонзился, превращая в месиво. Вкус чужой крови окончательно пробудил зверя. Лютого, голодного, безжалостного, рвущего без сомнений и раздумий, ловящего дикий кайф, когда зубы впиваются в чужую плоть.

Кто-то из противников содрал решетку с люка, пытаюсь улизнуть от расправы, но его мои парни настигли, разодрав в клочья за считанные секунды, отбросив в сторону первоначальную сдержанность. Они видели меня, чувствовали меня, поддавались моему безумию, превращая карательную миссию в дикую бойню.

— Главного не трогать! — прорычал на весь зал. — Он мой!

Мужик, обернувшись крупным седым волком, кое-как отбивался, ряды его приспешников с каждым мигом редели. Наконец, раскидав всех, проложил дорогу к этой сволочи и, оскалившись, пошел на него. Он спину выпрямил, окинул меня гордым, но мутным взглядом. Дебил. Прайму не смотрят в глаза, потому что если он взгляд поймает, то уже не вырваться, как ни дергайся. Жирный боров этого не знал. Все, сука, знают, а он не знал! Зарычал и на меня бросился, да через шаг на пол завалился, скуля от боли, лапами царапая бетон, залитый волчьей кровью. Остатки его людей замерли, не понимая, почему предводитель катается по полу и скулит, как дворовая шавка.

Все. Игры закончились.

Обернувшись человеком, шагнул к нему и, пренебрежительно пнув в бок, приказал:

— Оборачивайся, живо!

Он перекинулся через силу, еще пытаюсь сопротивляться, конвульсивно дергая лапами. На четвереньках еле удержался, потом поднялся, прижимая руку к разодранному боку, вперился в меня взглядом, полным ненависти, с каждым мигом все больше власти над собой давая.

— Как вы нас нашли? — прохрипел он, дыхнув смрадным запахом перегара.

— Легко. Мозгов спрятаться нормально вам не хватило.

— Мы — гордый клан! Мы не прятались! Нам нечего бояться. Мы здесь не для этого.

— Так и я пришел не для того, чтобы в остроумии упражняться. Ты и твои отморозки два моих объекта псу под хвост спустили.

— Твои объекты на моей земле стояли!

— Да? — протянул с деланным изумлением. — Вот это новость.

— Ты захватил силой то, что тебе не принадлежало!

— Кто-то застрелял в лихих девяностых? Рейдерские захваты в прошлом. Землю, о которой ты говоришь, я у банка выкупил. Ее забрали у прежних владельцев — пьяниц, за долги. Хм, не знаешь, кто бы это мог быть? — окатил презрением этот жалкий комок навоза.

Он дернулся, кулаки сжал:

— Сученок! Кем ты себя возомнил? Да я таких молокососов пачками жрал. Думаешь, деньги есть, рожа смазливая — и все, король мира? Круче всех?

Нет. Я круче всех совсем по другой причине. Волей своей ворвался, надавил, кишки в узел скручивая. Он заорал дурным пропитым голосом, задергался, снова упав на пол. Я еще раз сдавил, доводя до конвульсий, а потом отпустил. Присел рядом с тяжело дышавшим и стонавшим мужиком и участливо поинтересовался:

— Больно?

— Сука ты...

Опять сдавил, нанося непоправимый урон — живым ему не уйти, буду рвать, пока не напою своих демонов чужой кровью.

— Мне вот интересно, ты действительно так туп, что думал, мы не найдем тебя?

— Пошел ты! Я ничего не скажу...

— Да и нахер надо, — согласился с ним.

Действительно, чего время тратить на пустые разговоры? Финал известен.

Мужик, скорчившись на полу, блевал кровью, из последних сил пытаясь не упасть лицом в темную лужу. Престарелый альфа занюханного клана, возомнивший о себе Бог весть что. Пощады не будет. Смял, превращая его внутренности в кровавое месиво. Он захрипел, выгнулся и бесформенной тушей повалился на пол.

Остальные притихли, видать, наконец, осознав, что вляпались по полной. На меня смотрели настороженно, не понимая, как с альфой их разделался, даже пальцем не коснувшись. Поздно. Выяснять детали надо было раньше, до того, как сунулись в мои дела.

— Никого живым не отпускать! — хладнокровно отдал приказ и обернулся.

Зверь еще не успокоился, рвался вперед, подгоняемый жаждой крови, и я не стал его сдерживать.

Глядя на полыхающее старое здание, я чувствовал, как отпускает, как успокаиваюсь, как адреналин в крови затихает. Что ж, одной проблемой меньше.

— Как думаешь, никто не ушел? — спросил Кирюха, стоя рядом со мной. Глаза горящие, звериные, весь в крови, как языческий идол. Впрочем, я и сам не лучше.

— Нет. Наши все контролировали. Ни одна волчья морда не просочилась через заслон. Тех, кто пытался сбежать — разодрали на выходе. Но пусть еще раз проверят.

Нечаев кивнул и растворился в темноте, а я продолжал наблюдать за багровым пожаром, стиравшим следы ночной бойни.

— Что ж, одним кланом меньше, — с этими словами бета снова появился рядом со мной.

— Невелика потеря, — пренебрежительно скривившись, сплюнул на землю.

В принципе, все прошло гладко. На мне самом несколько царапин, которые к утру затянутся. Никто из парней сильно не пострадал, и даже тот, в кого стреляли, стоял на ногах, слегка пошатываясь. Оклемается. Волк и не такое может выдержать. От противника место сырое осталось. Хотя нет — ни хрена не осталось, горстка пепла, которую ветер разнесет. Мы снова на коне, а для остальных это будет показательным примером. Теперь любой кретин, который захочется к нам сунуться, сто раз подумает, прежде чем сделать роковой шаг и подписать себе приговор. Все знают — Бекетов не прощает, он наказывает. Жестоко, хладнокровно, без суда и следствия.

— Пора возвращаться, — Нечаев вздохнул глубоко, пытаясь успокоиться. В нем еще полыхал огонь битвы.

— Пора, — кивнул рассеянно. — Я сначала к тебе. Если приду домой в таком виде, Таня меня и на порог не пустит.

— Ты ей не говорил, чем собираешься заняться? — Кирилл удивленно посмотрел на меня.

— Нет, конечно. Она же мягкая, как облако, нежная. Жалостливая. Незачем ей знать о таком, — кивнул в сторону языков пламени, отчетливо видимых на фоне ночного неба. — Пусть и дальше считает, что наша жизнь безоблачна.

— Хочешь удержать ее в неведении?

— Нет. Хочу уберечь. Незачем ей в грязи мараться. Она светлая, и я не хочу этот свет омрачать.

— Боишься, что разочаруется, если узнает, каким можешь быть? — друг, как всегда, смотрел в корень, видел самую суть.

— Боюсь, — нехотя признался, устало потеряв переносицу, — с ней я другой. Лучше.

— Тебе повезло.

— Повезло, — согласился без колебаний.

Таня, как солнышко нежное. Она не поймет некоторых моих поступков. Ей не докажешь, что для того, чтобы удержать власть, нужны ежовые рукавицы. Мир оборотней суров, жесток, и слабым здесь нет места. Либо ты, либо тебя. Если бы я не уничтожил этот клан сегодня, он бы доставил мне проблемы завтра. Ей незачем знать эти подробности моей жизни.

— Все, парни, уходим! — я отдал приказ и, обратившись, устремился в лес, прочь от дгорающих развалин, а стая беспрекословно последовала за мной.

Татьяна

— И как тебя мой сумасшедший влюбленный братец отпустил? — поинтересовалась Наталья, забирая меня от дома.

У нее маленькая белая машинка — кабриолет, и летом подруга просто обожала ездить с откинутым верхом, убежденная, что волосы, трепещущие на ветру — это очень сексуально.

— Он позвонил, сказал, что на работе завал полный, и ему придется остаться на ночь.

— На ночь? Ты ему спуску не давай! Кто его знает, что там за работа! Может, у нее сиськи третьего размера и трусы отсутствуют.

Я лишь рассмеялась. Руслану я верила. Полностью, безоговорочно. Нет там никаких сисек и чужих трусов. Никого нет, кроме меня. Если говорит, что работа, значит — работа. Я не знаю, как объяснить это доверие. Просто знаешь и все. Твоя пара не предаст, никто другой не нужен. Ни ради разнообразия, ни ради поднятия настроения, только тот, кто в крови сидит, в сердце живет. Поэтому относительно ночных дел Руслана я не волновалась совершенно. Надо, значит надо. Тем более, судя по обрывкам разговоров, которые до меня доходили, в бизнесе какие-то проблемы. Что-то с объектами случилось. Не знаю, что именно — я у мужа не спрашивала, справедливо рассудив, что незачем с расспросами приставать. Захочет — сам расскажет, не захочет — нечего и надоедать.

— Алиску заберем в городе, она как раз через час должна закончить, а потом в торговый центр. Там сегодня ночь распродаж! — у подруги глаза от восторга горели, я же воспринимала будущий забег по магазинам скептически. Для меня это повод с подругами пообщаться, время хорошо провести, а никак не обязательная закупка барахла. Когда Руслану сказала, что собираюсь с девочками по магазинам прошвырнуться, он кратко ответил «бери что хочешь», соглашаясь на любые траты, но это не значит, что буду хватать все подряд.

Подпевая веселой песне, льющейся из динамиков, мы неслись по лесной дороге в сторону города, смеялись, шутили, и я чувствовала себя такой счастливой, что даже больно в груди становилось от распиравшего чувства, заполнявшего меня полностью. Спасибо небесам за то, что свели меня с этими людьми, ставшими мне семьей.

Алису забрали возле огромного фитнес-клуба, в котором можно было найти занятие себе по душе от бассейна до тенниса, от тренажерки до стрип-пластики. Что угодно. Любой каприз за ваши деньги.

— Вот скажи, Алис, зачем ты столько времени здесь проводишь? — поинтересовалась Наталья, отъезжая с парковки. — Зачем столько сил тратить, если у тебя даже парня нет?

— Будет, — убежденно произнесла подруга

— Когда? Ты ж все время на тренировках. Попа уже как орех!

— Завидуй молча, — усмехнулась Медведева.

— Чему? Тому, что ты каждый день потеешь, как лошадь, и выматываешь себя?

— Спорт — это жизнь, — меланхолично ответила Алиса, — к тому же с такой попой, как у меня, мужика найти гораздо проще, чем с унылыми булками.

— Эй, ты на что намекаешь?

— Ни на что, — отмахнулась любительница тренировок.

— Да у нее там знаешь сколько парней вокруг вьется? — я не удержалась и вставила свои пять копеек. — В тренажерке ведь проще всего познакомиться!

— Ах, ну да. Как же я забыла, что вы с Русланом так и познакомились, — Наталья покачала блондинистой головой, — в общем, вы как хотите, а я лучше Наполеон съем.

Она из тех счастливых людей, что едят, не думая о количестве, лишь бы вкусно было, и при этом не набирают ни грамма лишнего жира.

Вскоре мы притормозили у торгового центра:

— Ну что, девчули, готовы оторваться? — Алиса кровожадно потерла лапки и выскочила из машины, Наталья вприпрыжку за ней, и я следом, обреченно закатив глаза.

— Держись, модный шопинг, мы идем! — с этими словами мы и ворвались внутрь торгового центра, тотчас вливаясь в толпу таких же безумных охотниц за скидками.

Дальше началось веселье. Мы бегали из магазина в магазин, примеряли все подряд, угодали так, что от смеха щеки заболели. Алиса с Наташей набрали целые пакеты одежды, я ограничилась лишь новым бельем, маленькими сексуальными шортиками, чтобы перед Русланом щеголять, и красивым платьем: бело-голубым, с шитьем по подолу и рукавам. Несколько раз, утомленные примерками, прерывались, заскакивая в кафешки. Капучино и пирожное. Так вкусно, что даже Алиса, озабоченная состоянием своей пятой точки, присоединилась к нашему празднику живота.

— Тань, колись, что ты собираешься дарить Руслану на день рождения? — надела на меня Наталья во время очередного перерыва на перекус.

— Не знаю пока, — до дня рождения еще месяц целый, что-нибудь придумаю.

— Что-нибудь жутко пафосное и дорогое? — Алиса мечтательно глаза прикрыла.

— Нет, — я торопливо отмахнулась, — откуда деньги на пафосное и дорогое?

— Братец зажал тебе золотую карту?

— Нет. Не зажал.

— Тогда в чем проблема?

— Ты предлагаешь купить ему дорогой подарок на его же деньги? — усмехнувшись, кинула на младшую Бекетову насмешливый взгляд.

— Эээ, ну да, некрасиво получится, — сникла подруга.

— Вот и я о том же. Своих денег у меня практически нет, я сейчас не работаю — Руслан категорически против этого, — произнесла с сожалением и поморщилась.

— Разве это плохо? — удивилась Алиса.

— Это скучно.

— Мне не понять. Мужик от и до обеспечивает, а ей без работы скучно. Тут радоваться надо. Петь, танцевать и бить в барабаны. Чудная ты.

— Уж какая есть, — развела руками, — поэтому буду выкручиваться малыми средствами. Сделаю ему открытку.

— Цветочки нарисуешь, как в детском саду? — рассмеялась Алиса.

— Между прочим, зря смеешься, — поддержала меня Наташа, — у нее руки золотые. Таня такие вещи красивые умеет делать. Заглядень! Ей можно свой магазин красивых штучек открывать — от клиентов отбоя не будет.

— Да ладно тебе! Скажешь еще, — смущенно взгляд опустила.

Хотя, конечно, приятно, когда хвалят. Рукоделие — мое хобби, и в свободное время я с удовольствием занималась скрапбукингом, декупажем, вязала, плела, вышивала. В общем, на все руки от скуки.

— Ладно, девчонки, не пытайте меня с этим вопросом. Я еще не придумала ничего. Как только идея снизойдет, обязательно с вами поделюсь.

Мысли о подарке Руслану не давали мне покоя. Действительно, что подарить человеку — надо сказать, весьма не бедному — если у самой нет каких-то значительных финансов? Банальный вариант — перевязать себя ленточкой и украсить бантиком? Это еще скучнее, чем новые носки. Я каждый день дарю себя ему, для этого не нужен повод. Так что остается вариант с подарком своими руками. «Как в садике», — по словам Алисы.

Утром, едва проснувшись, загорелась этой идеей. Пока завтракала, прикидывала, думала, фантазировала. Связать свитер? Ну, не знаю. Разве что по дому ходить, ибо на работе он в костюмах, а в свободной обстановке предпочитает спортивный стиль. Да и не смогу нормально связать без примерок, а с примерками какой сюрприз? Нет сюрприза. А хочется. Может, открытку? Или совсем глупо? А вообще, прежде чем думать о вариантах, надо посмотреть, что у меня есть из материалов — я в последнее время много штучек делала, возможно, запасы истощились и пора из обновить.

Я достала из-под кровати большую красивую коробку, в которой лежали мои сокровища, и начала перебирать. Как всегда, увлеклась и вместо того, чтобы быстрым взглядом оценить состояние запасов, начала любовно перекладывать пакетики, папочки, конвертики...

За этим занятием меня и застал Руслан. Бесшумно появился на пороге, так, что до последнего момента я его и не замечала, а когда заговорил — вздрогнула, испугавшись:

— Опять творишь? — спросил с улыбкой, от которой сердце загрохотало.

— Привет, — тоже улыбнулась, — пока нет, просто разбираюсь. Как дела? Как работа?

— Все хорошо, — муж отстраненно плечами пожал.

— Проблемы решились?

— Более чем.

— Устал?

— Есть немного, — отмахнулся, словно несущественно все это. Он подошел ко мне, склонившись, поцеловал в губы и сел рядом, с опаской глядя на мои залежи великой рукодельницы. — Зачем тебе столько всего? — покрутил в руках пакетик с бисером.

— Ты что! У меня мало всего! — всплеснула руками. — Я уже целый список составила того, что необходимо докупить.

— Таня, ты маньячка! — рассмеялся муж. — А, это что?

Взял пластиковый конверт, в котором хранились фотографии, вырезанные из гляцевых журналов и рекламных буклетов.

— Это места, в которых я хотела бы побывать.

— Да? — он задумчиво их рассматривал. — Здесь нет ни одного известного.

— Нет, — согласилась и под села ближе, прижимаясь щекой к его плечу, — здесь такие места, куда не рвутся толпы туристов. Они спрятаны от посторонних глаз. Настоящие, чистые. Вот это — дом в деревне, расписной, резной, как игрушечный. Смотришь на него, и настроение повышается. А вот маяк в маленьком прибрежном городке. Если бы мне хотелось спрятаться от всего мира, я бы ушла туда. А вот сквер, в одном из городских дворов, украшенный фигурками сказочных персонажей. Жители сами все делали, и ощущение такое, будто сказку своими руками сотворили. А вот ферма, где разводят пестрых курочек...

Руслан рассмеялся.

— Что? — смущенно посмотрела на него. — Чего ты смеешься?

— Ничего, — покачал головой, — Наташка вон о Миланах и Парижах грезит, а ты о курочках.

Невольно покраснела, почувствовав себя полной дурочкой:

— Это так плохо?

— Это здорово, — притянул к себе, целуя нежно в висок, — ты не такая, как все. Видишь прелести там, где другие ничего не замечают.

— Мне иногда кажется, что я на твоём фоне деревенская простушка.

Так оно и было. Холеный Бекетов, снисходительно посматривающий на мир, и я — готовая по лугу бегать и одуванчики собирать, как маленькая.

— Глупости не говори, — хмыкнул он строго, — лучше тебя нет никого.

Засмушалась. Я всегда смущаюсь, когда он так смотрит. Пронзительно, проникая под кожу, и нет сил оторвать взгляд от его глаз — янтарных, с золотистой каемочкой вокруг зрачка. Такие только у него — это отличительная черта прайма.

— Ты, наверное, проголодался? — на ноги вскочила, внезапно вспомнив, что мужика сначала накормить надо, а потом уже беседы беседовать.

— Да, как волк, — с улыбкой ответил Руслан.

Как я люблю его улыбку!

— Пойдем, покормлю, — взяв за руку, потянула его за собой.

— Кстати, к нам сейчас Кирилл придет, — поставил меня перед фактом.

— По делам или просто так?

— Я его на завтрак пригласил.

— Что, беднягу никто не кормит?

Мы спускались по лестнице на первый этаж, когда раздался звонок, оповещающая о приходе беты.

— Нечего его кормить, пусть в лес идет, оленей ловит, — усмехнулся Руслан, распахивая дверь.

— Между прочим, я все слышал! — проворчал Кирилл, заходя в дом. — Танюш, привет.

— Привет, мистер Деловой, ты как раз вовремя.

Он, как всегда, собран, одет строго. Даже сейчас, утром, в брюках и белоснежной рубашке. Кирилл тихо рассмеялся и прошел следом за нами на кухню.

Пока они сидели за большим столом, лениво обсуждая дела, я включила телевизор, поставила чайник на плиту и по-быстрому развела жидкое тесто. Что может быть лучше с утра, чем горяченькие оладьи с джемом или сметаной? Правильно — ничего! Подумав, достала вторую сковородку — так быстрее. Мне все-таки не одного, а двух взрослых голодных волчиц накормить надо.

Завтрак проходил в непринужденной обстановке, я только успевала печь, да подкладывать горячие оладушки на большое блюдо, стоявшее перед ними, а они развлекали меня разговорами. Так здорово! Обожаю семейные завтраки.

Тем временем по телевизору начались местные новости. Красивая дикторша в темно-красном платье с глубоким декольте вещала о проблемах и радостях — ничего важного. Только к концу один сюжет заинтересовал — о пожаре, случившемся ночью на заброшенном складском комплексе. Показывали кадры пепелища, оставшегося после разгула огня — страшное зрелище, но жертв и пострадавших нет... среди людей. Стая одичавших собак не смогла спастись, то ли завалило их, отрезая путь к отступлению, то ли угорели.

— Бедные, — сокрушенно покачала головой.

Руслан лишь одарил непонятым взглядом и повел пренебрежительно плечами, а Кирилл и вовсе в тарелку уткнулся, глаз не поднимая.

— Вам их совсем не жалко? — спросила с мягким укором.

— Было бы кого жалеть, — проворчал муж недовольно, — без них на земле чище стало и спокойнее.

— Угу, — только промычал Кирилл, набив полный рот.

Моего сочувствия к бедным дворняжкам эти упертые оборотни не разделяли. Для них все это несущественные мелочи, превратности судьбы.

— Злые вы! — пробубнила себе под нос и отвернулась. Только спиной почувствовала, как смотрят на меня пристально, въедливо.

После завтрака Кирилл просидел у нас еще не меньше часа, а потом, поблагодарив за гостеприимство, ушел по своим делам, оставив нас с Русланом наедине. И, судя по горящим глазам мужа, оставлять меня в покое он не собирался, решив компенсировать свое ночное отсутствие прямо здесь и сейчас. Да я и не против. Соскучилась по нему так, будто вечность не видела.

Глава 4

Татьяна

Месяц пролетел незаметно, обволакивая ощущением счастья. Настоящего, то размеренно спокойного, то буйного, как ураган. Наша семейная жизнь началась как в сказке: Питер в самом начале, потом неделя на море, которое поразило меня в самое сердце своей тихой мудростью, сдержанной силой и неограниченной свободой. Не описать словами те ощущения, когда стоишь по колено в живой воде, зарывшись пальцами в песок, и скользишь взглядом до самого горизонта. Бекетов только смеялся, наблюдая за моими прыжками и хлопанием в ладони. Ему не понять. Большой серый волк к этому привык, его сложно удивить, а я чувствовала себя ребенком, впервые открывающим огромный мир.

А какая там луна! Большая, молочно-белая, отражавшаяся миллионами игривых бликов. По ночам мы с Русланом ухилили из отеля, брали в прокате машину и уезжали на дикие пляжи, туда, где кроме нас ни души. Оборачивались и как дурные подростки бегали галопом по берегу, дурачились, боролись в шутку, целовались до беспамятства в соленых волнах, любили друг друга на мягком песке, впитавшем в себя тепло южного солнца.

Это рай. Мой персональный рай.

Когда вернулись домой, жизнь потекла своим чередом. Бекетов много работал, но каждую свободную минуту проводил со мной: то прилетал домой в середине дня, то присылал за мной машину и вез на свидание, а иногда и вовсе приглашал вечером к себе в офис. Романтический ужин в солидном конференц-зале — в этом была своя прелесть.

Я занималась домом, планомерно превращая холостяцкую берлогу Руслана в уютное гнездышко, с затаенным удовольствием замечая, что изменения ему по душе. Ему нравилось приходить в дом, где тепло, уютно, где его встречаю я, не скрывая радости. Он был счастлив со мной — я это знала, чувствовала.

Кое в чем я все-таки ошибалась — рай не на морском берегу, он там, где твое сердце, там, где ты вместе с любимым человеком.

До его дня рождения оставалось чуть меньше недели, а я все еще не приготовила подарок. Нет, кое-что к этому времени у меня все-таки появилось — идея. Я знала, что буду делать, как буду делать, из чего, но вот самого материала в моей волшебной коробочке не нашлось, поэтому решила съездить в торговый центр, где расположился огромный магазин товаров для рукоделия.

Утром, провожая Руслана на работу, осторожно завела об этом разговор:

— Мне сегодня в город надо, — произнесла, улыбаясь, пытаюсь не выдать своего волнения.

— Зачем?

— Со знакомой договорилась в торговом центре встретиться, — зря, наверное, соврала, но мне жуть как хотелось сохранить все в тайне, чтобы он ни о чем не догадался. Если бы сказала, что в магазин рукоделия — он бы сразу сложил два плюс два, и тогда прощай сюрприз.

— Тебя отвезти?

— Не надо, — покачала головой, — я же не сейчас поеду, днем.

— Могу машину прислать.

— Незачем, — отмахнулась. Зачем его напрягать? — На такси не доеду, что ли?

— Как знаешь. Позвонить не забудь, — уже в дверях попросил он и, притянув к себе, поцеловал. Нежно, ласково, так, что душа запела, потянулась к нему.

— Обязательно, — еле дыша, отстранилась от него.

— Я сегодня до самого вечера, раньше не смогу освободиться.

— Буду ждать, — на цыпочки встала и еще раз игриво чмокнула в щеку.

— Не скучай.

— Не буду, — пообещала мужу.

Он подмигнул мне по-мальчишески весело и вышел на крыльцо. Возле дома его уже ждал Кирилл на своем здоровенном, мощном пикапе. Вообще не имиджевая машина, но ему нравилась: и проходимость высокая, и грузоподъемность немалая. В общем, каждому свое. Я помахала ему рукой, а бета лишь кивнул в ответ с легкой улыбкой. Как всегда — сама собранность, Мистер Деловой!

Проводив мужа на работу, я занялась домашними хлопотами: прибраться, приготовить, и еще две тысячи мелочей. К тому моменту, когда все переделала, уже наступил полдень, поэтому вызвала такси, собралась и поехала в город.

Торговый центр встретил меня привычной радостной обстановкой. Посетители прохаживались от магазина к магазину, совершая покупки, общаясь, останавливаясь у кафешек, а я бежала вперед вся в нетерпении, один раз даже чуть не свалила с ног замешкавшуюся женщину. Она сердито посмотрела на меня и, презрительно поджав губы, удалилась.

— Простите! — бросила ей на ходу.

Ворвавшись как маленький тайфун внутрь нужного магазина, я остановилась и растеклась в блаженной улыбке от пестрого разнообразия приятных штучек: бисер, нитки, бусины, цветная бумага для разных техник, ленты атласные, наборы, спицы, шкатулки, красивые корбочки и много-много всего. Глаза разбежались, сердечко забило от восторга, и я ринулась вперед, на поиски необходимого. Копалась на полках, листала каталоги образцов, перебирала шуршащие пакетики, чувствуя себе на седьмом небе от счастья. Мало того, что окунулась в мир любимого хобби, так еще и делаю это для любимого мужчины. В результате набрала целый пакет добра, причем большую часть про запас. Ну не могла остановиться, пока всю красоту не скупила!

Расплатившись, покинула магазин с видом блаженной дурочки, прижимая к груди заветные покупки. Уже представляла, как разложу все это на столе, на веранде и начну творить. Скорее бы!

Неторопливый эскалатор, размерено подергиваясь, привез меня на первый этаж, соскочив с последней ступеньки как маленькая беззаботная девочка, я побежала к выходу, туда, где стояло вызванное такси, но, уже выскочив на крыльцо, остановилась.

Бабушка. Низенького росточка, полненькая, пыталась спуститься по лестнице, сжимала в одной руке старенькую авоську, во второй тросточку. Она и так, и сяк приноравливалась к ступеням, не решаясь сделать первый шаг. То, что для обычного человека в порядке вещей, для нее превратилось в проблему — в дряхлых ногах уверенности не было. А все бежали мимо, не останавливаясь, не обращая внимания на проблемы пожилого человека. Мне стало стыдно, поэтому и подошла к ней.

Старушка от неожиданности вздрогнула, подняла на меня взгляд выцветших слезящихся глаз, и в них такое удивление читалось, смешанное с облегчением, что я смутилась окончательно. Бедная!

— Вам помочь? — сдавленно улыбнулась.

— Да, — голос слабый, старческий, дребезжащий. Боги, неужели у нее нет никого, кто бы мог продуктов принести? Дети? Внуки? Она же еле ходит!

— Давайте сумку, — протянула руку, и она передала мне авоську. Невольно краем глаза внутрь заглянула: хлеб, молоко, лук в пакетике, несколько картошин. Да я больше на бусинки потратила!

Я забрала у нее ношу, подставила локоть, за который она ухватилась как маленький, беспомощный ребенок, и мы начали спускаться. Шаг за шагом, медленно, осторожно. Оказавшись

на асфальте, она выдохнула надрывно, достав серую тряпочку из кармана, протерла вспотевший лоб и поблагодарила:

— Спасибо огромное, милая. Побольше бы таких отзывчивых людей, и жизнь бы совсем другой стала. Спасибо!

— Не за что, — смущенно проблеяла, сумку ей вернула и скованно попрощалась, — до свидания.

— До свидания.

Неподалеку стояло такси, ожидая меня, и я к нему направилась, однако, когда уже дверь распахнула, чтобы забраться внутрь — обернулась. Бабушка так и стояла на одном месте, пытаясь местами поменять авоську и тросточку, перехватить поудобнее. Да не смогла — сумка из непослушных рук выпала, и по асфальту сиротливо покатилась картошина.

У меня аж сердце зашло от этой картины, поэтому, не раздумывая, обратно ринулась. Подхватила сумку, поймала укатившийся клубнеплод, и к старушке руку протянула:

— Пойдемте, я вас довезу.

— Да что ты!.. — она попыталась отказаться. — Не надо. Я сама как-нибудь, потихонечку.

— Идемте! — я потянула ее к машине мягко, но настойчиво.

— Мне неудобно, — бабушка пыталась отказаться.

— Все нормально! Поедемте!

— Девочка, да у тебя же дел своих наверняка полно, а ты со старухой возишься.

— Подождут дела, — помогла ей сесть на заднее сиденье, а сама рядом с водителем устроилась.

— Куда? — обернулась к ней, заметив, как она украдкой слезы стирает.

— Тут... тут недалеко, — заикаясь, произнесла бабулечка, — через две улицы. На углу Смирнова и Пролетарской. Дом восемь.

— Поехали, — кивнула водителю, и он молча завел машину.

Спустя пять минут такси остановилось у подъезда кирпичной советской пятиэтажки. Я помогла женщине выбраться из салона автомобиля и поинтересовалась:

— На каком этаже живете?

— На четвертом.

Лифта в таком доме, естественно, нет, и я живописно представила, как она будет сейчас подниматься, охая, спотыкаясь и останавливаясь на каждой ступени. Как у нее снова просыпнется несчастная картошка, и ей придется за ней наклоняться.

Неужели я уеду? Конечно, нет. Расплатившись с водителем, отпустила машину и произнесла бодро:

— Пойдемте!

— Да что же это... да как же это... — причитала старушка, пока я помогала ей подниматься по обшарпанной лестнице, не знавшей ремонта, наверное, со времен перестройки.

Всю дорогу бабушка извинялась, сетовала на свою нерасторопность, пыталась уверить меня, что сама справится. Я лишь улыбалась, кивала и дальше поднималась вместе с ней. Не могла иначе! Разве можно отпустить ее одну, зная, что у нее каждый шаг — война с самой собой. Спустя вечность мы оказались перед замызанной дверью, затянутой коричневым, местами потрескавшимся дерматином и покосившимся номером «34».

— Как зовут-то тебя, девочка? — ласково произнесла она, изо всех сил пытаясь скрыть от меня отдышку.

— Таня.

— Танюша, — в руку мою вцепилась, — а я Мария Семеновна. Можешь меня просто бабой Машей звать.

— Вот и познакомились, — рассмеялась.

— Какой смех у тебя красивый, — она тоже улыбнулась, и вокруг глаз лучики морщинок заиграли, — искренний.

— Спасибо. Ну, я пойду, баба Маша.

— Как же? Как так? — всполошилась она. — Ты столько на меня сил потратила, а теперь убегаешь? Ты что! У меня, правда, нет ничего, чем бы отплатить тебе...

— Не говорите глупостей, — я попыталась успокоить сердобольную старушку, — не ради оплаты помогала.

— Давай хоть чайку, а?

— Ну что вы, не стоит! — попыталась вежливо отказаться.

— Танюш, пожалуйста. Я же спать сегодня спокойно не смогу, зная, что отпустила тебя ни с чем!

— Баба Маша!

— Я плюшки вчера пекла. Чайку сейчас свежего заварю. Пожалуйста, — бабуля посмотрела на меня с такой надеждой, что я сдалась — пятнадцать минут ничего не меняют.

Мы зашли внутрь квартиры. Пахло старостью, бедностью, бабой Машей. Все такое старенькое, изношенное, как и сама хозяйка, но милое. В крошечной кухоньке села за стол, прикрытый клетчатой клеенкой с закатавшимися уголками, а радушная хозяйка, обрадовавшаяся тому, что в ее печальном доме хоть кто-то появился, начала выставлять передо мной все, что имела, и приговаривала, с умилением в мою сторону поглядывая:

— Кушай, кушай, девонька.

Если честно, я была не голодна, но от кружки чая с плюшкой не стала отказываться. От меня не убудет, а ей приятно. Кстати, плюшка мне не понравилась. Горькая.

Бекетов

Интересно, с какой такой знакомой сегодня собиралась встретиться Таня? Что-то я не припомню у нее большого круга общения. Этот вопрос меня донимал весь день, даже на работе не мог сконцентрироваться, мыслями возвращаясь к утренней беседе. Уходя из дома, не сообразил поинтересоваться, думал о предстоящих делах, хотя и царапнуло немного, а сейчас понял: юлила, пытаюсь что-то скрыть. Интересно что? Надо позвонить и узнать, что же такое затеяла моя маленькая хитрая волчица. Если обманула — накажу. Всю ночь буду медленно со вкусом, подводя к самой грани, но не давая переступить через нее. Волк одобряюще заворчал, готовый хоть сейчас сорваться к ней. Еле сдерживая улыбку, набрал номер любимой, намереваясь подразнить, намекнуть на то, что ее ожидает. Но абонент молчал.

Ой, глухня! Никогда с первого раза не ответит! Наверное, опять в своей бездонной сумке копается, пытаюсь мобильник найти. Снова набрал, и снова тишина. Третья попытка завершилась тем же, и пятая тоже. Татьяна не отвечала. Внутри шевельнулось что-то колючее, неприятное. Уже не улыбаясь и не думая о ночных игрищах, набирал ее номер, с каждым мигом злясь все больше, а еще тревога внутри росла, липкая, неприятная. Так и не дозвонившись до жены, набрал сестру:

— Привет, волчара, — как всегда жизнерадостно ответила Наталья.

— Таня с тобой? — спросил в лоб, не настроенный на долгую болтовню.

— Нет, — растерялась она, — я дома, а где твоя жена...

— Все, пока, — отключился, не дослушав.

И как это понимать? Что за на фиг? Без раздумий позвонил безопасникам.

— Артем, пробей по телефону, где сейчас Татьяна.

— Что, уже сбежала? — усмехнулся было, но тут же заткнулся, когда я зарычал. — Сейчас сделаю.

Пока он разыскивал Таню, я сидел за столом, раздраженно постукивая кончиком карандаша по столу. Какого черта я не поинтересовался утром, что она задумала? Что за игры? Уже

понимал, что херня какая-то творится. То ли случилось что-то плохое, то ли Таня от меня что-то нелицеприятное скрывает. И я намерен выяснить что. В считанные минуты служба безопасности предоставила нужную информацию — незнакомый адрес, по которому находилась Татьяна в данный момент. Что за...

Через пять минут я уже был на парковке с Нечаевым, проклиная все на свете, бесясь, что именно сейчас мой автомобиль у механиков. Именно, мать его, сегодня!

Кирилла пришлось взять с собой — что-то подсказывало, его присутствие будет нелишним. Нарушая все правила, мы летели вперед, неумолимо приближаясь к нужному месту, и с каждым мигом все больше накрывало ощущение неправильности.

— Что она в этой дыре забыла? — присвистнул Нечаев, когда остановились в задрипанном дворе, выглядевшем так, будто обновлений не было со времен второй мировой.

— Ты у меня спрашиваешь? — огрызнулся и вылез из машины.

И тут же в нос ударил запах. Чужой, волчий, смешавшийся с тонким ароматом Татьяны.

— Какого хера? — переглянулись с бетой и ринулись к подъезду.

Здесь запах еще отчетливее. Я с точностью до миллиметра мог указать, где она прикасалась к обшарпанным перилам. Зверь внутри осканился, подобрался, не понимая, что происходит, но готовясь ко всему. Кирилл рядом, на глазах превращаясь в хищника. Взлетели на четвертый этаж, к старой двери, и я без колебаний дернула ручку на себя. Открыто. Волчьи инстинкты обострились, словно на охоте. Сердце гудело в груди, как ненормальное, адреналин захлестывал, потому что знал — она здесь, в этой дыре, пропитанной чужими запахами. В прихожей, в кухне — никого, и мое внимание полностью сосредоточилось на прикрытой двери в комнату. На секунду замялся, испытал неуверенность относительно того, хочу ли увидеть что там, но потом злость толкнула вперед. Я — прайм, и в кустах отсиживаться — не мой уровень. Распахнул дверь и уверенно шагнул внутрь.

Маленькая комната три на три, явно выполняющая роль спальни, потому что ничего, кроме кровати и прикроватной тумбочки, здесь не было. А на постели спала Таня. Именно спала, с умиротворенным выражением лица. Довольная, мирная. Голая!

Твою мать. Мир вдребезги разлетелся, когда смотрел на нее, едва прикрытую тонким одеялом. В комнате удушливо пахло сексом, чужой страстью. Кирилл сзади тихо присвистнул, за что чуть не получил по морде. Отпрянул от моего яростного взгляда, поднимая руки. Мне сейчас не до чужого сарказма. Весь мой мир сузился до девушки, лежавшей на постели. Жены, которой верил, как самому себе. Оказалось — зря.

Кровь закипела, и перед глазами поплыли кровавые круги. Убью. Убью суку. Прямо сейчас. Раздеру к чертям собачьим на этом любовном лежбище, провонявшем похотью. В мозгу картины пролетали одна развратнее другой, и с каждым мигом градус моего бешенства все выше.

— Рус, не смей! — Кирилл сжал мое плечо, сильно, до боли, пытаясь оттащить в сторону.

— Отвали, — дернулся, скидывая с себя его руку.

— Центр города, Руслан. Очнись! Проблем хочешь? Засветиться решил?

Мне плевать! Зверь свирепо рвался наружу, наказать за предательство. Херово так, что сводит внутри кишки в узел, и по венам раскаленная лава. Кое-как сдержался, не потому что испугался, а потому что, сука, дрогнуло! В груди дрогнуло при мысли, что вред ей могу причинить! Той, которую люблю несмотря на то, что предала. Склонившись, тряхнул за плечо, грубо, бесцеремонно, и прикосновения к ее коже обожгло. Всюду запах чужой.

— Подъем! — прорычал, сам не узнавая свой голос. Хриплый, надломленный, нечеловечий.

Таня сонно заворчала, потянулась сладко и глаза еле приоткрыла. Увидев меня, улыбнулась, такая сонная, теплая, что чуть не сдох от раздиравших эмоций. Сердце в груди грохотало

как безумное, я балансировал на грани, еле сдерживаясь. Кулаки сжимал, чтоб не сорваться. Взглядом мазнула по сторонам, и улыбка стремительно начала меркнуть.

Что, любимая, чувствуешь приближающийся Армагеддон? Дошло, что облажалась?

Смотрел на нее, не моргая, взглядом убивая, еле сдерживая себя, чтобы за горло не схватить.

Сука!

— Руслан? — в голосе дрожащие нотки паники.

— Да, милая, он самый. Соскучилась? — с убийственной нежностью, от которой она побледнела пуще прежнего и начала трястись, словно лист осиновый на ветру.

Жена попробовала сесть, и одеяло сползло вниз, открывая взору голую грудь. Таня только охнула, хватаясь за край и натягивая на себя тряпку. Дышала, словно загнанный заяц, на шее жилка бешено пульсировала, безумный взгляд метался из стороны в сторону.

— Как... — голос сорвался. Заткнулась, нервно губы облизав.

— Как нашел тебя? — любезно подсказал вопрос.

Она не ответила, смотрела на меня во все глаза, отчаянно, испуганно, понимая, что все — конец. Что не выкрутится. Что безвозвратно похерила образ светлой преданной девочки. Сжалась вся под моим взглядом, затрепетала.

— Где этот ублюдок? — его буду закапывать с особой жестокостью за то, что посмел посягнуть на мое!

Она лишь головой замотала судорожно, всхлипнув громко:

— Руслан...

— Я задал вопрос! — склонился к ней так быстро, что она с криком отшатнулась в сторону. За волосы ухватив, к себе дернул, притягивая вплотную. Глаза в глаза. Тонул в ней, помирая, на губы алые, припухшие смотрел, и отвращение затапливало. Оттолкнул от себя, не в силах терпеть чужой запах. — Не слышу ответа!

Она снова всхлипнула, прижала ладонь ко рту и по щекам слезы побежали. Я должен проникнуться? Расчувствоваться и сказать «все хорошо, милая? Все просто зашибись!» Этого она от меня ждет, закатывая дешевый спектакль?

— Проверь все, — приказал Кириллу, не оборачиваясь, — найди мне этого смертника. А ты встала, живо!

Дернул одеяло, отбросив его в сторону, на пол, словно оно заразное было.

— Пожалуйста, — прошептала она, пытаясь прикрыться, бросая беспомощный взгляд на Кирилла.

— Не беси меня! — прорычал, и волк внутри дернулся, обнажая клыки, его ярость еще сильнее моей. Зверь не прощает предательства. Никогда!

— Я все объясню, — проблеяла жена, с надеждой взглянув на меня, — пожалуйста.

— Конечно, любимая. Объяснишь, — склонился к ней, — но чуть позже. А пока заткнись, иначе я за себя не ручаюсь. Подъем.

Схватив под локоть, грубо стащил с кровати. Татьяна, залившись пунцовой краской, пыталась прикрыться. От меня, от Кирилла, с равнодушием смотревшего в сторону. Показное спокойствие, я чувствовал, как его буквально колотило изнутри, как сдерживался из последних сил. Он был солидарен с моим зверем.

Никто не прощает предательства!

— У тебя минута. Время пошло! Не успеешь — голой поташу.

Таня еще больше сжалась, чувствуя, что не шучу, и бросилась одежду с пола собирать. Скомканное платье с пола подхватила, путаясь, натянула через голову, дрожащими руками волосы в пучок собрала. А у меня взгляд все к кровати расхристанной возвращался. Невыносимо. Как сдержался — сам не знаю, только за запястье схватил со всей дури и за собой к выходу потащил.

— Ключи! — рявкнул Кириллу, и тот беспрекословно послушался, отдал связку и отступил в сторону.

В машине Таня забилась в самый уголок, обхватила себя руками и на меня то и дело бросала жалобные взгляды. Так и хотелось заорать: отвернись! Отвернись от меня, мать твою! Пока не убил на хер! Вслух ничего не сказал — опять побоялся сорваться. Дышал через раз, потому что в салоне вонь чужая душила. Нажав кнопку, стекло тонированное опустил, жадно втягивая воздух, надеясь, что отпустит. Не отпускало. С каждым мигом все хуже. Таня, рот рукой зажала, слезы молча глотая. И это бесило еще больше. Не люблю женские слезы, особенно в исполнении хитрых шлюх. Всю дорогу молчал, на грани, боясь, что неосторожное слово ураган спровоцирует.

Дорога превратилась в ад, в котором сгорал заживо, мечтая проснуться и с облегчением обнаружить, что это всего лишь сон, показывающий мои потаенные страхи. Только пробуждение не спешило наступать, а реальность давила беспощадной мерзостью. Как доехали до Черных Тополей — не помню, очнулся, только когда припарковался рядом с нашим домом.

Сука, с нашим! Чего, б**дь, ей не хватало?! Все к ее ногам!

Выйдя из машины, хлопнул дверцей и направился к крыльцу, а она следом за мной, как дрожащая мышь. А хотя нет. Крыса. На кухню прошел, не замечая ничего вокруг, внутри агония, зверь наружу рвался, как бешенный. Не удержу! Разнесу все к херам. Шкаф распахнув, достал бутылку дорогого у виски и, сорвав пробку, жадно несколько глотков прямо из горла, обжигая внутренности. Зажмурился в бесплодных попытках совладать с собой, со своими звериными порывами, уперся руками в столешницу, голову склонив и шумно дыша. На пороге кухни появилась Таня, робко прижалась к косяку, гипнотизируя мою спину затравленным взглядом.

Да что за тварь такая? Почему не замечал этого раньше?

— Объясни мне, — голос все-таки подвел, дрогнул, — какого хрена?

Она мочала, хлопала глазами своими бл*дскими и молчала. Она ж не дура, знала, что врать бесполезно, что больше ни одному слову ее не поверю.

— Я... Я думала это ты, — наконец, под нос себе проямлила, жалобно сморщившись.

Нет, все-таки дура.

— Я польщен, что мне есть место в твоих сексуальных фантазиях, что, трахаясь с другими, ты думаешь только обо мне. Это так трогательно, — скривился цинично, а у самого внутри просто месиво кровавое. Я и не знал, что так больно бывает.

— Руслан... понимаешь, я...

— Да заткнись ты уже! — швырнул бутылку в стену. Она вдребезги разлетелась, засыпая кухню осколками и янтарными брызгами. Метнул на Таню злой взгляд, впервые обрушиваясь на нее волей прайма, лишая возможности говорить. Татьяна, вскрикнув, к стене прижалась, глядя на меня так испуганно, будто впервые видит. Руку к шее прижала, пытаясь удавку невидимую сорвать. Только мою волю не скинешь, как ни пытайся. И ее беспомощный взгляд, наполненный страхом — лучшая награда.

Да, милая, не одна ты маску носила. Все это время ты видела мою хорошую сторону, которая только для тебя и существовала, и которая сейчас была последним рубежом, удерживавшим от катастрофы. Теперь на — смотри, вот он я — настоящий, готовый разорвать за предательство, неповиновение, до боли в горле жаждущий чужой крови. Твоей крови! Держусь, балансирую на грани. Один шаг, одно неловкое движение — и все. Подступал к ней медленно, сжимая кулаки, распиная взглядом, жадно принохиваясь, а Таня пятилась, пока не уперлась спиной в стену.

— Что будем делать, любимая? — последнее слово выплюнул ей в лицо, с пренебрежением, словно ругательство.

Она губы дрожащие закусил, но не издала ни звука. Мне так хотелось услышать хоть что-то, способное остудить вулкан внутри меня, но вместе с тем голос ее был противен.

— Молчишь? — склонился к ней ближе. — Молчишь. Правильно.

Схватил ее за подбородок, крепко сжав пальцами, не давая отвернуться. Таня охнула, дернулась, но вырваться не смогла. Куда ей! Она маленькая, слабая, а я... я зверь. Тьма поднималась из глубины, ломая во мне остатки человеческого. Руку на горло спустил, жал, еле-еле на одну сотую своих сил, чувствуя, как бешено кровь у нее в венах пульсирует

— Если бы ты знала, как мне хочется сжать сильнее, до хруста, — задумчиво проговорил, поглаживая большим пальцем гладкую кожу.

Таня превратилась в каменное изваяние, лишь ртом воздух хватала, не в силах взгляда отвести.

— Может, волей своей наказать? Так, что б мозги закипели?

— Не... — чуть слышно просипела, но тут же осеклась, когда нервно плечом дернул.

Молчи, дрянь, молчи, любое твое слово лишь усугубит ситуацию.

— Или, если ты так любишь на чужих членах скакать, мне тебя стае отдать? Отвезти в Синеборье, кинуть в подвальную камеру и объявить день открытых дверей. Думаю, много желающих соберется, чтобы попробовать ту, которую их альфа так сильно любит... любил. — Она дернулась, как от удара. — Хм, а может, самому тебя напоследок отодрать по полной? — рукой в ее растрепанные волосы зарылся и сдвинул, оттягивая голову назад.

Таня со стоном склонилась, слезы уже градом по щекам бежали, а мне хотелось сделать ей еще больнее, чтобы почувствовала, какого это — когда подымаешь. Платье за подол рванул, с треском ткань раздирая. Белья на ней нет — не успела найти в той берлоге, из которой ее вытащил. Вид голого тела, которое должно было принадлежать только мне, до бешенства довело.

— Сука, — процедил сквозь зубы с такой ненавистью, что самого дрожь пробрала.

Таня вывернулась из моих рук маленькой гибкой змейкой и в сторону метнулась, надеясь вырваться, сбежать. Только зверь свою жертву не отпустит. Рванув следом, настиг в два шага, к стене толкнул и сверху навалился. Несмотря на жалкое сопротивление, руки ее сжал в одной ладони, сильно в стену припечатал, а второй рукой за узенькую талию схватился. Она вырывалась, в полнейшей тишине, еще больше зверя раздражая, крутилась, брыкалась. Но бесполезно все. Колено между ног просунул, не давая свести их, и пальцами грубо внутрь проник. Горячо, влажно, и член в брюках моментально напрягся, захотелось отыметь ее прямо здесь, сейчас, у стены, чтобы знала, кому принадлежит.

— Нравится? — с издевкой, зло, жестоко.

Тут она замерла, заревела, обессилено сдалась. А у меня в груди кольнуло, больно, ядовито, от осознания собственного сволочизма. Веду себя как м*дак, злой, безумный, ревнивый м*дак, который даже отреагировать достойно не может, превращаясь в жестокого отморозка. Твою мать.

Склонился к ней ближе, к самому уху и пошептал:

— Не переживай, я не трону тебя, волчица. Мне противно, от тебя за милю смердит другим оборотнем, — и, отпихнув ее от себя, пошел прочь. На пороге обернулся, смерил ее взглядом полным отвращения. — Из дома ни ногой. Поняла меня? Это теперь твоя клетка. Когда вернусь — не знаю, но моли Бога, чтоб к этому времени я успокоился, — и ушел, сбежал, испугавшись, что разорву ее в клочья, потому что зверь неумолимо требовал расправы.

Глава 5

Таня

Я помню, как чай пила у бабы Маши. Невкусный, дешевый, с запахом старого ссаного венника. Но я пила, чтобы не обижать старушку, маленькими глоточками, стараясь не морщиться, и закусывала плюшкой. Обычной, плохо поднявшейся, с жесткой корочкой. Старушка смотрела на меня и причитала, и никак не могла нарадоваться, что я ей помогла. А мне было стыдно — за что хвалить? За обычную человеческую вежливость и заботу? Так любой бы откликнулся.

Хотя нет. Не любой. Никто не откликнулся. Только я.

Когда спустя минут двадцать раздался нетерпеливый звонок в дверь, я извинилась и начала собираться. К бабе Маше пришли, и мне здесь больше нечего делать, да к тому же домой хотелось — все мысли о подарке Руслану. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что это Бекетов. Прилетел на поиски меня, отчитал за то, что ушла без разрешения, не пойми куда и неизвестно к кому. Я попыталась утихомирить любимого, но он был непреклонен, пока к нашей беседе не подключилась баба Маша. Старушка божий одуванчик начала расхваливать меня на все лады, говорить, как ему повезло, что таких, как я, и не осталось вовсе. Я краснела, отнекивалась, как могла, а в результате все закончилось тем, что мы уже втроем сидели в кухне и пили невкусный чай.

— Больше никогда не смей уходить без разрешения, — пробасил Руслан, когда баба Маша вышла в другую комнату.

— Я просто хотела помочь, — ободряюще сжала его руку.

— В следующий раз накажу, — пообещал низким шепотом, от которого мурашки по спине побежали.

— Отшлепаешь? — поддела его, с удовольствием наблюдая, как на его лице расплылась хищная улыбка.

— Хуже, — к себе притянул и в губы впился, жестко, вынуждая подстраиваться, сдаваться.

— Ой, милые, — на пороге появилась бабулька, увидела, чем мы занимается, и пятиться начала, — совсем забыла, к соседке надо зайти.

— Баб Маша, да не надо, — высвободилась из наглых рук, отпихивая Руслана от себя, но поздно — хозяйки и след простыл.

— Руслан, ну что ты сделал?! Она теперь не пойми что подумает! — с досадой всплеснула руками.

— Все то она подумала и ушла специально, — двинулся на меня, прожигая пронзительным взглядом.

— Руслан! Ты что?! Не смей! Не здесь!

— Здесь, дорогая моя, здесь. Сама напросилась. Обхватил меня, оторвал от пола и бесцеремонно в комнату отнес.

А дальше... сдалась, несмотря на странное место, на непонятную ситуацию. Растворилась в его руках, позволяя делать все, что хотел. Потому что это он был. Родной, любимый, всегда желанный. И все казалось таким правильным, и в то же время острым, на грани...

Только пробуждение вышло жутким. Открыв глаза, увидела его перед собой злого, мрачного, и взгляд такой... жесткий, ледяной, обещавший расправу. За спиной топтался Кирилл, глядя на меня с таким выражением, будто я гадина последняя. Но самое страшное не это. Запах, чужой, все тело мое им пропитано, каждый миллиметр, каждая складочка. Как такое возможно?! Я была здесь с ним, а теперь он стоит напротив, а я с ног до головы покрыта запахом другого мужика. Уже понимая, что это финиш, попыталась что-то сказать, только Беке-

тов не слушал. Каждое его слово — удар, каждый взгляд — нож под ребра. Я видела, как его штормит, а на лице проскальзывает целый спектр эмоций от бешенства до разочарования и тщательно скрываемой боли. Надо было что-то сказать, но у меня не было слов.

Я его предала. Почему? Зачем? Я не знаю! Я вообще ничего не знаю! Меня отравили? Подмешали чего-то? Не может быть! Я бы почувствовала! Все было невкусное, но обычное! Без отравы, химии, прочего дерьма! Я знаю, я уверена!

Тогда как... В голове не укладывалось.

Дома начался ад. Я не знала, что Руслан может быть другим. Жестким, циничным, грубым. В какой-то момент я испугалась, что он набросится на меня — янтарные глаза сделались волчьими, от человека ничего в них не осталось. Он унижал, больно бил словами, пугая переменах, своим новым образом. Впервые я узнала, что такое воля прайма, когда одной фразой запретил говорить, и как ни пыталась, не могла и слова из себя выдать, лишь мычала, как убогая. А потом ушел, хлопнул дверь, запретив выходить за порог, превращаясь из любимого мужа в жестокого тюремщика.

С трудом поднялась в комнату и долго мылась, пытаюсь содрать с кожи память о чужих прикосновениях. Только там окончательно накрыло. Я была с другим! Позволяла иметь себя, как угодно, ластилась мартовской кошкой, просила еще. У чужого мужика! Незнакомого оборотня.

Затошнило от мерзости, от отвращения к самой себе. Как тут отмыться, когда грязь везде? Снаружи, внутри — в каждой клеточке.

Два дня наполненные безумием, ужасом, сдавливающим в железных тисках страхом потерять Руслана. Я не знала, что сказать в свое оправдание, чтобы он поверил, понял, принял. Потому что словно не я там была, не со мной все случилось. Проигрывала в голове раз за разом тот день, пытаюсь найти объяснение, зацепку, момент, на котором можно было повернуть назад, и не находила. Я не заметила подмены, не поняла, что это кто-то другой, а не Руслан. Что это было? Гипноз? Помутнение рассудка? Уже неважно. Уже все сделано! Насмешка судьбы: помощь старушке оказалась моей гибелью. Не знаю кем, зачем, почему, но все было разыграно как по нотам специально для меня. И лицо бабы Маши мне теперь являлось в ужасах, стоило только прикрыть глаза. Это же так подло — играть на порядочности других, так грязно! За что?

И я почти уверена, что Бекетов не простит. Альфа клана, прайм, сильнейший из сильнейших — он не переступит через свою гордость никогда. Ему не нужен порченный товар, не нужна жена, которая даже узнать подмену не смогла. Не простит.

Внутри агония, моя боль сплеталась с болью волчицы, рвущейся к своему волку. Готова за ним ползти хоть на край света, лишь бы простил, позволил быть рядом. Только вряд ли это возможно.

Два дня он не появлялся, не звонил, и я подозревала, что собирался продолжать в том же духе. Он не хотел видеть меня, не хотел разговаривать, а я места себе не находила, изнывая от ожиданий. Хотела увидеть его, и в то же время боялась в глаза взглянуть, потому что сказать мне по-прежнему нечего.

На третий день у меня прорезался голос, и я вне себя от переживаний позвонила его сестре в надежде, что он там — в доме родителей. Ему самому не смогла позвонить — смелости не хватило и совести.

Наталья ответила не сразу, наверное, после десятого гудка:

— Да, — и тут же меня окатило холодом, смешанным с презрением.

— П...привет, — от волнения я начала заикаться.

— Чего тебе? — грубо, резко, так, что под ложечкой засосало.

— Ты... ты не знаешь, где Руслан?

— Русл-а-а-ан тебе понадобился?! — с издевкой протянула она.

Проглотила горький ком, чувствуя, как опора из-под ног уходит.

— Просто скажи, знаешь или нет, — на коленях была готова умолять.

— Ну, знаю, и что дальше?

— Как он?

— Не все ли тебе равно? — каждая ее фраза как удар под дых.

— Нет. Я переживаю...

— Шла бы ты со своими переживаниями... подруга, — прошипела в трубку, и мне совсем плохо стало.

— Ты знаешь, да? — прохрипела, зажмурившись, пытаясь унять боль в груди.

— О том, что ты на говенных хатах с другими мужиками трахаешься? И что тебя с поличным поймали? — вылила на меня ушат отвратительной правды, отчего внутри все похолодело, грязной коркой покрылось. — Все знают! Вся стая в курсе, что ты предала жоака!

Удар в солнечное сплетение, с размаху. Они тоже не простят, никогда. Руслан для них — царь и Бог, а я — чужачка, которую он подобрал, сделал ровней себе, и которая в благодарность нож в спину загнала. Мои оправдания никому не нужны, да их и нет. И не будет.

— Танюш, — с издевкой произнесла, словно ругательство, — хочешь совет? Бери свои жалкие манатки, с которыми пришла, и проваливай из Черных Тополей. Мы тебя приняли, потому что воля альфы — закон. Хотя, как выяснилось, и он ошибаться может. А теперь... теперь ты никто. Ни один оборотень из стаи к тебе не подойдет и не захочет разговаривать. Предав альфу, истинную пару, ты предала всех нас. Каждого. Так что проваливай из поселка, тебе здесь больше не место. А если останешься, мы превратим твою жизнь в ад. — И снова по щекам слезы побежали, горькие, горячие, наполненные безысходностью. Я не только Бекетова теряла, но и всю семью, которой так радовалась. — Ты достаточно ему боли причинила. Проваливай!

— Не могу... я без него не могу. Я люблю его.

— Слушать тебя противно, — процедила Наталья сквозь зубы, — аж тошнит. Это он тебя любил, по-настоящему! Верил полностью, безоговорочно, а ты... шлюха!

— Наташ...

— Все. Отвали от меня. Звонить не смей, писать тоже, а еще лучше — в туман свали, чтоб от тебя и следа не осталось! Никто и не расстроится! Руслан со временем в себя придет, справится, а ты возвращайся в ту дыру, из которой выползла!

Она бросила трубку, а я так и стояла, не в силах пошевелиться. Боже как больно! Что же я наделала? Как допустила такое? И снова ответа нет.

Весь день ходила по дому, как неприкаянная, думала, пыталась найти выход, но его не было. Подставили жестко, профессионально, не оставив следов, зацепок, шанса оправдаться. Если хоть что-то было бы — Кирилл уже бы нашел. Лучшей ищейки, чем он, я не знаю, у него чутье феноменальное даже для оборотня. И если до сих пор молчит, значит нет ничего. Факт подставы мне не доказать, а убеждать, просить поверить — кощунство. Предательство было, а причины неважны. Я не знала, как с этим жить дальше. А ночью, во сне, надо мной опять хохотала баба Маша, показывая в мою сторону узловатым, скрюченным пальцем и повторяла хрипло, словно ворона каркала:

— Проваливай отсюда. Здесь тебе места нет.

Наутро я была разбитой и еще более несчастной, чем накануне, потому что поняла — Наташа права, другого выхода нет. Меня не простит Руслан, и стая не простит. В их глазах я теперь хуже, чем чужачка, я — предательница, гулящая тварь, обманщица. Своим присутствием я буду только позорить Бекетова, дам повод для жалости, ненависти. У него и так за

спиной из-за меня шушукаются, а если он оставит меня рядом, то посчитают слабым. Он сам возненавидит меня за это еще больше.

Надо уходить.

С тяжелым сердцем принялась за сборы. Хотя какие там сборы! У меня своего-то и нет ничего. Все мне дал Бекетов. В спортивный рюкзак покидала смену белья, футболку, да шорты, тонкую папочку с документами, конвертик с записочкой, которую сама скопила, со своих скудных средств. Все. Остальное не мое. Если позволит, потом заберу одежду, если нет — так тому и быть. Справедливо. Джинсы, футболка, кроссовки — все готова. Можно уходить, но напоследок надо позвонить. Руслану. Еще раз услышать любимый голос и умереть, потому что в нем ничего, кроме презрения, не осталось.

Я долго смотрела на его фотографию, запоминая каждую черточку, каждый штрих, прежде чем нажать вызов. Он тоже ответил не сразу, я кожей чувствовала, что гипнотизирует экран, но не спешит жать зеленую кнопку. Наконец раздалось отстраненное:

— Слушаю.

Холодное, по-деловому собранное, чужое. По сердцу будто полоснуло тупым ножом. Больно!

— Руслан...

— Да? — уже нетерпеливо и ни намека на прежнюю теплоту.

Он не простит...

— Ты где? — зачем-то спросила, хотя и так ясно — не ответит.

— Неважно! — осадил надменно, ясно давая понять, что мое место у двери на коврик.

— Чего хотела?

Тебя. Прежнего. Счастье наше вернуть испоганенное, отмыть его, перемотать время назад, чтобы, как и остальные, пройти мимо немощной старухи.

— Поговорить.

— Мне некогда. Если что-то важное, то будь добра все в пять слов уместить, — Руслан разговаривал со мной, как с обслуживающим персоналом.

Сколько раз я его журила за лишнюю резкость, а теперь все это на меня обрушилось. Словами не передать как плохо, тошно. Ведь он другой! Веселый, отзывчивый, заботливый... с теми, кого любит. С теми, кто не предает.

— Я подумала...

— Ближе к делу, — бесцеремонно перебил, окончательно выбивая почву из-под ног.

— Мне лучше уйти. Я поживу в городе... пока.

— Нет.

Хладнокровный ответ Бекетова обескуражил.

— Так лучше будет, всем.

— Я сказал — нет! — чеканил по слогам.

— Пойми, так лучше будет.

— Ты меня не поняла? Я сказал сидеть дома, вот и сиди.

— Я не могу... здесь... без тебя.

— Избавь меня от этих соплей, — отмахнулся от моего горького признания, еще больше убеждая, что смысла нет тянуть.

— Зачем тебе это? Зачем, Руслан? — горько спросила, умирая от безысходности. — Ты же ненавидишь меня!

Он лишь промолчал, не ответил на мои слова, не опроверг их. Ненавидит. Чувствую это даже на расстоянии. Как жутко, как страшно. В один миг сломалось все, и обратного пути нет.

— Я не могу тебя отпустить, — наконец, произнес без единой эмоции, — ты ж моя истинная пара. Это навсегда.

Слова прозвучали совсем не радостно, скорее, горьким едким проклятием. Не нужна, не простит, но и не отпустит. Подле себя держать будет, при этом презирая. Я не могу так, не хочу. И ему этого не надо, хоть он и не понимает.

— Руслан, пожалуйста, — прошептала едва различимо, но он остался глух к моим мольбам.

— Я все сказал. Сиди! Дома!

— Когда ты придешь?

— Понятия не имею. Все, мне некогда! — сбросил звонок, а я сидела на кровати, прижимая руки к груди, к тому месту, где сердце грохотало точно безумное.

Он превратит наши жизни в ад, хотя мы и так уже там, но будет еще хуже — знаю, чувствую. Его ненависть раздавит меня, и его самого сделает несчастным.

Уйду.

Накатившие слезы вытерла ладонью, рюкзак на плечо закинула и решительным шагом покинула спальню. Свет, заливавший широкий холл на первом этаже, казался непростительно ярким, словно насмеялся над кровоточащим сердцем, над трагедией, которая нас постигла. Я еще раз пробежалась взглядом по дому, ставшему таким родным. В нем было столько счастья, а теперь лишь горькая тишина. Из-за меня. Не в силах совладать с эмоциями, выскочила на крыльцо, задыхаясь, стгорая заживо, и остановилась как вкопанная, найдя на ступенях лист, на котором красными буквами выведено «Проваливай, шлюха. Оставь нашего альфу в покое». Сердце ухнуло куда-то вниз. Господи, кто это написал?

Да кто угодно: соседи, Наташа, да то же самый Кир, хотя он таким заниматься не станет — не его уровень. Кто-то из простых, защищавших своего вожака. Меня затрясло. Казалось, из каждого дома, из-за зашторенных окон следят чужие глаза, проклиная, от души желая сдохнуть в мучениях. Даже кусты роз на дорожке, ведущей к дому, будто ошетинились, пытались уколоть, когда мимо них пробежала. По улице мимо аккуратных домиков, ухоженных палисадников, бегом к пропускному пункту. Задышалась, когда навстречу попадались люди. Знакомые, что еще совсем недавно улыбались приветливо, теперь давили своим осуждением, презрением, причиняя почти физическую боль. Я одна в центре стаи, которая ненавидит меня. Боже, дай мне сил. Подбежала к воротам, намереваясь проскочить под шлагбаумом, но дорогу перекрыл здоровенный оборотень-охранник. Смерил меня бездушным взглядом и ровно отчеканил:

— Тебе запрещено покидать территорию клана.

Руслан велел меня охранять?

— Но мне надо.

— Запрещено, — повторил категорично и кивнул, указывая обратный путь.

Спорить с ним бесполезно. Он меня одной левой зашибет, если захочет. Мне кажется, вокруг стало меньше воздуха, кислород весь выгорел, оставив за собой удушливый след. Я в тюрьме, Руслан не шутил.

Мимо меня проехала красная семейная машина, и дети на заднем сиденье — волчата — показывали на меня пальцами, что-то крича родителям. Мне захотелось со стыда провалиться. Здесь, на всеобщем обозрении, я чувствовала себя еще хуже, словно голая у позорного столба. Невыносимо. Обратно припустила бегом, со всей мочи, желая как можно глубже укрыться от враждебного мира. Только на родном крыльце остановилась, оглянулась с опаской, будто за мной гналась толпа с вилами и факелами.

Что делать? Оставаться? Ждать Руслана? А если не придет? Сегодня, завтра, через неделю? Что тогда? Вечно прятаться в норе? Я не хочу. Поэтому прошмыгнула на задний двор, а оттуда кустами к забору. Разбежавшись, подпрыгнула, выше любого олимпийского чемпиона, ухватила за край и подтянулась уверенно. Перемахнула через ограду, рюкзак на плечах поправила и в лес пошла, все дальше удаляясь от царства своего позора.

— Прости меня, — прошептала, представляя янтарные глаза альфы Черных Тополей, — прости за то, что позволила нам разбиться вдребезги.

Я не могла осуждать его за грубость, жестокость, за слова, впивавшимися злыми шершнями в душу. Ему плохо, я знаю. Не представляю, какого это — найти свою пару без трусов в чужой квартире, пропахшей другими оборотнями. И рада бы сказать, что ему привиделось, что он все не так понял, что ничего не было. Было. С кем-то незнакомым, вместо которого я почему-то видела Руслана. Я плохая жена, раз не поняла, не почувствовала, раз сердце не распознало обман. Грязная, опороченная, предавшая.

Я его не достойна. Мне надо уйти.

Только кто бы меня отпустил...

Бесшумно ступая по мягкой траве, шла вдоль дороги, ведущей к городу. В опускавшихся сумерках вечерний лес начал оживать после дневного солнцепека. Зеленые сосны-великаны неспешно покачивали на ветру тяжелыми резными шапками, сквозь которые пробивались редкие лучи закатного солнца. Я брела вперед, понуро глядя себе под ноги. Все сломалось так быстро, внезапно, словно нас смяло пронесшимся на всех парах локомотивом. Правильно говорят, высоко взлетишь — больно упадешь. Мой случай.

Из задумчивости выдернуло настойчивое гудение телефона в рюкзаке. На ходу достав его из бокового кармана, глянула на экран, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Руслан.

Вряд ли звонит, чтобы, поболтать о разном, спросить, как дела. Скорее, ему уже доложили, что я ушла. Мне было страшно отвечать, перед глазами еще стояло его лицо, искаженное гневом, звериной яростью. Я не хочу его гнева. Он делает мне больно, не снаружи — в груди, в сердце, ломая привычный образ заботливого мужа. Но и не ответить нельзя, потому что разозлю еще сильнее.

— Да? — робко, чуть дыша, надеясь на чудо.

— Где ты? — его голос больше на волчье рычание походил.

О, Боже!

— Руслан, я ушла, — попробовала сказать спокойно, твердо, уверенно, но не вышло — голос дребезжал словно стеклянный, выдавая меня с головой.

— Я знаю! Повторю свой вопрос еще раз, и постарайся дать вразумительный ответ, — он непреклонен, — где ты?

— Да пойми же ты! Мне лучше уйти! — чуть не плача прошептала в трубку. — Ты же терпеть меня не можешь! Ненавидишь! Зачем это продолжать? Я поживу пока в городе, чтобы не раздражать тебя.

— Все сказала? — прервал, не особо церемонясь.

— Руслан, пожалуйста.

— Возвращайся в Черные Тополя немедленно и не смей носа за порог высовывать. Приеду — поговорим насчет твоего самовольного ухода, — в голосе хладнокровное обещание, от которого внутри все стынет.

— Нет, — я почувствовала, что нельзя возвращаться — плохо будет. Волчица моя настоженно прислушивалась — ей тоже было страшно. Руслан нас пугал.

— Нет? — переспросил тихо, по-дьявольски вкрадчиво. — Уверена?

— Уверена.

Я уже ни в чем не уверена: где правда, где иллюзия, где небо, где земля — все перемешалось, смялось в одну неприглядную темную кучу.

— Что ж, сама напросилась, — и трубку повесил.

Меня прошиб холодный липкий пот, затрясло так сильно, что зубы застучали. Все плохо. Чертовски плохо. Он не отпустит! Попробовала убрать телефон дрожащими руками, но не попала в карман. Мобильник выпал и неудачно — экраном на корни, выпиравшие черными

змеями из земли. Стекло не выдержало, разбилось, и сам телефон отказывался включаться, не реагируя на мои манипуляции. Ну, что за невезение?! Потрясла его, постучала, потыкала на кнопки — бесполезно. Умер. Совсем одиноко стало, когда оборвалась эта призрачная ниточка, связывавшая с остальным миром. Стояла среди безмолвных деревьев, сжимая бесполезный гаджет в руках, растерянно глядя по сторонам. Вечерний лес перестал казаться красивым, перестал вызывать умиротворение, наоборот — начала подниматься тревога. Сначала нехотя, растерянно, а потом все быстрее и быстрее.

Это его «сама напросилась» — угроза в чистом виде.

Перед глазами пролетали наши счастливые дни, где Руслан любил меня, улыбался, сражая наповал белоснежной улыбкой, был заботливым, нежным. А сейчас передо мной предстал кто-то другой. Холодный, циничный, жестокий незнакомец, от которого я не знала, чего ждать.

Может, вернуться? А как вернешься? Когда на тебя из каждого окна нацелен презрительный взгляд, когда прохожие готовы плевать в твою сторону? Я не настолько жертвенна, чтобы для искупления вины взвалить на свою спину крест и идти босиком по битому стеклу под осуждающие крики толпы. Наверное, это потому, что поступок, за который меня все ненавидят — неправильный, непонятный. Меня вынудили, хоть я и не помню никакого принуждения. Не знаю от чего, но я чувствовала себя виноватой и вместе с тем невиновной, только доказать эту невиновность мне не по силам. Даже самой себе.

Разбитый телефон больше не нужен, поэтому откинула его в сторону и торопливо продолжила путь. Никаких возвращений. Наталья права: мне там места больше нет.

Первую сотню шагов прошла в прежнем ритме, то и дело оглядываясь по сторонам, и мне казалось, что из-за каждого дерева, из-под каждого куста на меня устремлен чужой враждебный взгляд. Потому ускорила, нервно сжимая лямки рюкзака вспотевшими ладонями, а затем и вовсе перешла на бег. Бежала, словно за мной черти гнались, думая лишь о том, что мне надо в город, в толпу, туда, где много народу. Там он не посмеет напасть... наверное, а может это очередная иллюзия.

Откуда-то из глубины леса порыв ветра принес уханье дикой совы, которая готовилась к охоте. Такое мрачное, утробное «угу», что на этом моменте мои и без того натянутые до предела нервы сдали. Перекинулась, зубами подхватила рюкзак и сломя голову бросилась вперед, все еще надеясь, что мне удастся уйти. Кажется, я бежала уже целую вечность, когда сумерки начали сгущаться, обволакивая собой лесные силуэты. А далеко позади вой раздался. Протяжный, злой, наполненный диким предвкушением охоты. Я знала, кому принадлежит этот вой — тому, кого любила больше жизни, и кто пугал своими переменами. Это Руслан. И охота шла на меня!

Уже не разбирая дороги, неслась вперед, прекрасно зная, что не уйти. Его волк большой, сильный и быстрый, от него не убежать, не спрятаться. Он по следу моему как привязанный пойдет, с каждым мигот неотвратимо приближаясь. Легкие жгло от нехватки кислорода, но остановиться было смерти подобно. Бежала, перескакивая через овраги, через поваленные деревья, стрелой пролетая через кусты дикого шиповника, а вой неумолимо приближался. Зверь настигал, стремительно сокращая расстояние между нами.

Господи, Руслан, что же ты делаешь? Зачем? Отпусти меня, не мучай нас обоих!

Альфе клана Черных Тополей не было никакого дела до моих мысленных стенаний, он хладнокровно шел по следу, и его вой разносился протяжным эхом по лесу, каждый раз как разряд тока по нервам. Он охотился всерьез, загонял добычу. Мне казалось, я уже слышу его drobные шаги, хриплое дыхание, лязг зубов, как шелестит трава у него под лапами. Совсем близко.

Он налетел на меня, словно электропоезд. Обрушился, сбивая широкой грудью с ног и не давая подняться, сверху навалился, впиваясь зубами в холку, и придавливая к земле всей своей немалой массой. Я попыталась вывернуться, вырваться, но он лишь хватку усилил, за

шкуру прихватывая, и зарычал так, что притихла, перепуганная до смерти. Никаких шуток, никаких «вполсилы». Все по-настоящему. Замерла, распластавшись по земле, признавая свое поражение, покоряясь. Ему потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться, после чего разжал челюсти и, пятясь, отошел назад.

С трудом, чуть дыша, поднялась на ноги и метнула на него быстрый трусливый взгляд. Руслан стоял недалеко от меня, опустив низко голову, прижав уши, смотрел, жадно ловил каждый мой жест. Глаза цвета янтаря светились огнем диким, в них полыхало пламя охоты, делавшее зверя зверем. Я жалобно заскулила, когда с утробным рычанием снова сделал шаг в мою сторону, хвост поджала и пятиться начала, припадая к земле. Волчица стелилась перед ним, пытаюсь разжалобить, только Бекетову плевать. Огромный серый с подпалинами волк наступал на меня, хищно припадая на передние лапы, а во взгляде азарт полыхал: настигни и разорви. Жутко. На каждое мое движение рычал, угрожающе зубами щелкая, а я все никак не могла поверить, что это он. Руслан. Скулила в панике, задыхаясь от отчаяния, но ему все равно было, мой страх его заводил. У меня сердце оборвалось, когда ко мне метнулся неуловимой молнией, снова с ног сшибая и сверху придавливая. Больше не могла этого выдерживать, поэтому обернулась, прямо под ним, лицо прикрыла, закричав громко:

— Не надо! Хватит! — Оскалившаяся пасть склонилась так близко мне, что душа в пятки ушла. Он убьет меня! — Руслан, пожалуйста! Не надо!

Он все-таки остановился, клацнул зубами у меня перед самым носом и в сторону отскочил. Мне казалось, весь лес притих, наблюдая за нами, с кровожадным интересом ожидая, чем закончится противостояние двух когда-то безумно любивших друг друга супругов.

— Руслан, — простонала горько, поднимаясь на ноги. Бок, которым о землю ударилась, нещадно болел, и я прижала к нему руку, чтобы хоть как-то облегчить неприятные ощущения.

Волк, фыркнул, заметив мой жест, и тоже обернулся. Мы стояли напротив, прожигая взглядами. Он — яростно хищным, и я — жалобно просящим.

— Пожалуйста, хватит, — руки к нему протянула, но Бекетов отшатнулся, с такой ненавистью по мне полоснув, что чуть не задохнулась.

— Я все никак не могу понять, — начал он задумчиво, — какого хрена тебе не хватало? Пытаюсь и не понимаю. Я все для тебя делал.

— Все, — согласилась горько.

Мне так хотелось подойти к нему, обнять, уткнуться в шею, чтобы он обнял, закрывая от целого мира, и сказал тихо «я тебя люблю», но в мужчине, что стоял напротив, любви не было, как и прощения. В нем была злость, ревность, сносящая крышу, и желание делать больно. Да именно так. Желание причинить боль. Я смотрела на него, умирая от тоски, от безысходности, от невозможности что-то исправить. Что бы я сейчас ни сказала — он не услышит, и не даст мне уйти, а я не хочу возвращаться в Черные Тополя. Замкнутый круг.

— Вот и я думаю, что все, — Бекетов согласился, глядя исподлобья, чуть склонив голову набок.

Впервые рядом с ним мне холодно, потому что закрыт от меня полностью. Непробиваемая ледяная стена, которую мне не преодолеть. А, может, того Руслана, которого любила, и нет вовсе? Вдруг на его месте остался только этот свирепый незнакомец? Переступала с ноги на ногу, и янтарные глаза тут же хищно прищуривались, выдавая желание наброситься. Я не верила, что он на это способен. Просто не могла поверить.

— Скажи мне что-нибудь, — с насмешкой протянул муж, — хоть что-то, чтобы я понял твои мотивы. Или их и нет вовсе? Просто жила в свое удовольствие?

Я все-таки решила попытаться, донести до него, что не все так гладко и очевидно:

— Я никогда тебе не изменяла, — попробовала придать голосу твердость, но ни черта не вышло — предательски дрожал и срывался.

Он предупреждающе рыкнул, и глаза опасно блеснули. На грани. Боже, как страшно!

— Да, именно так. На той квартире я оказалась потому, что старушке помогала.

— Это теперь так называется? — злой сарказм хлестанул наотмашь.

— Я ее туда привела, и ничто не выдавало присутствия других оборотней. Я бы поняла, почувствовала, унюхала. Но там ничего не было! Вообще! Чистая квартира, простая бабка! Мы выпили чаю, а потом, — под убийственно холодным взглядом смялась, стушевалась, — потом ты пришел. И все что происходило — было с тобой.

Бред! Все это звучит как бред!

— Ты за идиота меня держишь? — поревел он.

— Это правда...

— Я должен поверить, что ты меня с кем-то спутала? Очнись, милая, ты не в сериале! У меня нет брата близнеца, как и раздвоения личности.

— Я говорю правду!

— Это ересь зарвавшейся сучки, которую поймали с поличным и которая теперь всеми силами пытается оправдаться. Придумывает небылицы в надежде, что все вокруг дебилы, — Руслан непреклонен.

Мои сбивчивые пояснения еще больше разозлили его.

— Может, меня отравили чем-то, — еще одна жалкая попытка найти объяснение, — еда была горькая.

— Не разочаровывай меня еще больше, милая. Ты забыла, с кем имеешь дело? Видать забыла, раз пытаешься такую чушь нести. Я бы учуял, если бы тебя чем-нибудь накачали. Даже крохи уловил бы. Но их не было. Ты была чистая! В трезвом уме и здравой памяти!

Я не знала, что говорить, потому что сама тогда ничего не почувствовала, все было как обычно. Ни головокружений, ни расплывчатых мыслей, ни провалов в памяти. Все четко, кристально ясно, и до отвратительного неправильно. Так что все это лишь мои домыслы, предположения, не имеющие доказательств.

— Все объяснения закончились? — ухмыльнулся он зло, надменно, а мне так обидно, так одиноко стало, что слезы на глаза навернулись.

Всхлипнула, по щекам растирая.

— Вот только не надо это, — Руслан раздраженно нахмурился, — не верю. Убрала живо! А как их уберешь, когда текут сами по себе?

— Что будем делать, любимая? — руки на груди сложив, снисходительно наблюдал за мной.

— Отпусти меня, — попросила тихо.

— Нет.

— Пожалуйста. Ты же не простишь меня, никогда. Только мучить будешь обоих.

— Нет, Танюш, не нас, только тебя, — так ласково и так беспощадно, что сердце зашлось.

— Зачем? — обессилено руки вдоль тела опустила, мне нечего ему противопоставить.

Он сильнее.

— Зачем? — почти искренне удивился. — Ты предала, а предательства я не прощаю. Никому. Никогда.

Никогда. Такое страшное слово, когда речь идет о ненависти.

— Я не предавала! — воскликнула, сжимая кулаки.

Я знаю это! Знаю! И с каждой секундой уверенность в этом росла. Чувствую. Сердцем! И он должен чувствовать!

Только демон, стоявший напротив, так не считал, с холодной иронией бровь вскинул:

— Провоцируешь?

— Нет, пытаюсь достучаться!

— Успехов, — он злился. Несмотря на показную сдержанность, он злился. Теперь я четко видела, что скрывается под маской: зверь, которому плевать на мои слова, на мой страх, мою боль.

— Руслан, я все равно не останусь, как бы ни держал меня, — хоть и тоскливо, больно, но вечно скулящую перед ним дворнягу превращаться не стану. Я его пара, а не собственность, которую можно насильно удерживать. — Раз не веришь мне, не готов простить — тогда просто отпусти!

Наивная! Я все еще верила, что он меня услышит, что тот Руслан, который меня любил, победит, что здравый смысл перевесит звериное безумие.

Ошиблась, потому что в ответ прозвучало жестокое:

— Думаешь так легко отделаться? — волком обернулся и на меня пошел, не скрывая ярости.

И тут я совершила самую большую ошибку в своей жизни, действительно позабыв, с кем имею дело. С хищником, чьи охотничьи инстинкты развиты до совершенства, с альфой большого клана, которым он стал не за красивые глаза, а за силу, превосходящую остальных. Я все забыла. Со страху, от расстройства или из-за излишней доверчивости. Наверное, все-таки слишком сильна была моя вера его «хорошую» сторону, именно из-за нее я сделала то, что ни при каких условиях нельзя было делать.

Я повернулась к нему спиной... и побежала.

В полной тишине налетел на меня сзади, сшибая чудовищным ударом на землю, так, что в глазах потемнело на миг. Все еще не веря в происходящее, попыталась встать, и тут он в меня вцепился. По-настоящему. Страшными зубами за плечо ухватил, впиваясь в плоть, и силой назад швырнул, а я завизжала истошно от боли, от неожиданности, от панического ужаса, что обрушился на меня. Кровь из раны тут пропитала одежду, и в воздухе разлился ее сладковатый дурманящий аромат, доводя зверя до безумия. Пятилась от него, ползла, отталкиваясь пятками от земли.

— Руслан, не надо, остановись!

Он снова набросился — впился в бедро и потащил обратно, мотая головой из стороны в сторону, а я как пушинка летала. В какой-то миг он отскочил в сторону, припал к земле, прожигая лютым взглядом. Оскалил окровавленную пасть.

Он ведь убить может, запросто! Только тут до меня это дошло. Жуткая правда обрушилась, не оставляя места для розовых иллюзий. Не было тут Руслана, только волк, расправляющийся с неугодной волчицей, посмевавшейся предать. Уже в голос всхлипывая, ползла от него, мечтая провалиться сквозь землю, перенестись в другой мир, исчезнуть. Только бы сбежать от него! Выжить! Потому что, несмотря ни на что, хотела жить. Перекинуться не успела — снова налетел, лапами на спину обрушиваясь, когтями распарывая кожу, зубами впиваясь в бок. А дальше просто трепал, как мягкую игрушку, вымещая на мне свой гнев, боль, ревность. Сопротивляться бесполезно, силы не равны.

В какой-то миг все перед глазами подернулось пеленой, и я начала проваливаться в беспамятство. Я даже обрадовалась этому малодушно, потому что боль невыносимая, голос сорвала от крика, от мольбы о пощаде.

Откуда-то сбоку метнулась черная тень, сбивая Бекетова с ног, отшвыривая от меня в сторону. Крупный черный волк встал между мной и Русланом, оцетинившись, зубы обнажая, рыча тихо. Нечаев. Лежа на траве, липкой от моей крови, не могла пошевелиться — сил не было, истерзанное тело не слушалось, и где-то в животе рос ледяной ком. Скосила мутный взгляд в их сторону, с равнодушием наблюдала, как кружат по поляне, как черный волк не подпускает ко мне, всегда находясь между палачом и жертвой.

Он защищает меня? Не верю. Хотя все рано. Плевать. Уже на все плевать. То и дело картинка перед глазами темнела, и черный лес начинал кружиться. Меня уносило во тьму, а я силой воли возвращалась, удерживала себя в сознании.

Улучив момент, Кирилл обернулся. Встал перед альфой, руки разведя в стороны:

— Руслан, уймись, что ты делаешь?!

Бекетов тоже перекинулся и к приятелю шагнул, грозно сжимая кулаки, в глазах такой ад полыхал, что чертям страшно стало бы, окажись они поблизости:

— Защищаешь? — не голос, а звериное рычание.

— Ты убьешь ее!

В ответ лишь дикая улыбка.

— Рус, очнись! Что бы ни произошло, вы пара! Убьешь ее — и тебе конец! Ну же, включай мозги! Вспоминай! Правила для всех одни! И ты не исключение! Нет хуже участи, чем убить свою волчицу! Сам себя сломаешь, до конца дней гореть будешь! Ты же знаешь!

Янтарный взгляд стал чуть осмысленнее, скользнул по мне пренебрежительно, без тени сожаления. Бекетов отступил на пару шагов, шумно выдохнул, сжимая виски, пытаясь себя успокоить, пересилить хищное безумие, кипящее в крови.

— Отпусти ее, — давил Кирилл, — пусть проваливает! Потому что, если останется, рано или поздно разорвешь ее. Сколько бы ты не держался! Финал будет один! Сам знаешь!

Пусть проваливает? Смешно. Я даже шевельнуться не могла. Смешно и жестоко. Не меня Кирилл защищал — пытался альфу удержать от рокового шага. Преданный сукин сын! До меня ему нет никакого дела. Если бы не парность, что нас с Русланом связывала, Нечаев бы не стал вмешиваться, стоял бы в стороне и смотрел, потому что слово вожака — закон.

Наконец Бекетов выдохнул резко и ко мне направился:

— Рус! — крикнул Кир, дорогу преграждая.

— Отвали, — альфа хладнокровно отмахнулся от него, — не убью.

Вот и все. Не убью. Коротко, словно про муху говорил. Присел рядом со мной на корточки, локтями на колени опираясь, и рассматривал долго, без единого выражения на лице. Так смотрят на песок, на землю, на кучу ненужного хлама. И я смотрела в ответ, и казалось, веки наливались свинцовой тяжестью. Хотелось прикрыть глаза и поспать, хоть немного, хоть пять минуточек. Бекетов схватил за подбородок, разворачивая лицом к себе, глаза в глаза. Янтарные омуты в полумраке светились, отливая золотом.

— Значит так, любимая, — это слово он теперь использовал вместо ругательств, — Кирилл прав. Не хочу из-за тебя подыхать, землю грызть от бессилия. А если ты останешься поблизости, то рано или поздно этим все и закончится. Так что проваливай. Вали в какую-нибудь глухомань, чтоб духу твоего не было поблизости. Уяснила? — сжал сильнее, чуть приподняв мою голову от земли. Он снова смотрел пронзительно, будто в душе измученной ковырялся. — Меня тошнит от нашей связи! Если бы мог, разорвал нахер, чтобы избавиться от больной зависимости...

Сердце от его слов споткнулось и заметалось судорожно.

— ...Проваливай и не смей возвращаться! — В душу смотрел, рвал ее на части. — Учую поблизости — пожалеешь. Забейся в какую-нибудь нору и носа не показывай. Отныне ты для меня никто, и звать тебя никак.

Он меня все-таки убил. Словами. Лишил последней надежды.

Снова повело куда-то вбок несмотря на то, что лежала, и темная воронка внутри меня расширялась, засасывала внутрь, укрывая мир черной пеленой.

Глава 6

Татьяна

В полубессознательном состоянии, еле балансируя на краю пропасти, я слушала холодный убивающий голос Руслана, вспарывающий наживую:

— Кирилл, увези ее.

— Куда? — без единой эмоции спросил бета.

— Мне плевать куда, подальше отсюда.

Любимый, что ты делаешь? Зачем?

Они стояли надо мной и говорили как о вещи, ненужной, сломанной, бесполезной.

— Сдай ее куда-нибудь, скажи, в лесу нашел.

— А дальше?

— Дальше не мои проблемы. —

Мне хотелось кричать, но голос больше не слушался, тело не подчинялось. Нет сил. Даже боли не чувствовала, только колючий холод.

— Пусть скажет спасибо, что отпускаю... живой.

Я не узнавала его. Вместо Бекетова, родного, любимого, надо мной нависал яростный и страшный в своем равнодушии зверь, которому плевать на мои мучения. Ни сомнений, ни сожалений. Хладнокровный палач.

— Все, увози! Чтобы духу ее поганого здесь не было, — и, перешагнув через мою безвольную руку, пошел прочь.

Не оглядываясь, неторопливо, заправив руки в карманы джинсов и меланхолично пиная перед собой камень, а я смотрела вслед. Все вокруг в темном тумане, а в центре — его удаляющаяся широкоплечая фигура. По щеке горячие дорожки от слез, губы дрожали, но с них не сорвалось ни звука, а внутри расправляла крылья ядовитая пустота. За что он так со мной? Хотелось умереть, но и этого мне не позволили.

Кирилл бесцеремонно подхватил меня на руки, не жалея, резким рывком, причиняя адскую боль. Застонала, не сдержавшись, но ему было плевать, он смерил меня взглядом, полным холодного презрения. Сердце зашлось еще сильнее. Мне неоткуда ждать помощи. Они — стоя, они все за него, и я в глазах каждого из них — тварь, посмевшая предать их альфу. Обстоятельства роли не играют, объяснения не нужны, пощады не будет. Безвольной куклой висела в его руках, то и дело проваливаясь в темный туман, пока Кирилл выносил меня из леса. Быстрым шагом, не разбирая дороги, то перескакивая через овраги, то продираясь сквозь кусты. Каждое его движение — пытка, усиливавшая агонию.

Сколько длился этот переход, я не знаю. Может, пять минут, может, час, может, целую вечность, но он вышел из леса на проселочную дорогу ровно в том месте, где стоял его пикап. Закинул меня в багажник и недовольно посмотрел на свои руки — все в моей крови:

— Черт, — ругнулся и, обойдя машину, сел за руль.

Пикап дернулся, когда Нечаев завел двигатель и до упора вдавил педаль газа. Меня тряхнуло, откинуло к бортику, так, что сильно ударилась изодранной спиной. Горячая волна накрыла с головой, сопротивляться сил уже не было. Провалилась в забытие, а когда в себя приходила, машина все ехала, петляя по дороге, а сверху глядели равнодушные далекие звезды. Мне было холодно, трясло, зуб на зуб не попадал. Попробовала в комочек сжаться, но не получалось — руки ноги не слушались. И боль в исковерканном теле — ничто по сравнению с той катастрофой, что разыгралась в душе. Что-то не так, что-то неправильно, но нет сил разбираться, что именно. Я умирала. Физически, морально. Мне не за что было ухватиться, чтобы выкарабкаться. Никто не собирался мне помогать.

На востоке забрезжил рассвет, когда мы въехали в какой-то захудалый городишко, окружились по узким раздолбанным улицам и, наконец, выехали к больнице.

— Приехали! — процедил Кирилл, и за руки к себе подтянул, как мешок с картошкой. Снова боль прострелила от плеча по спине, и снова разбередило раны.

Захныкала жалобно, готовая умолять оставить меня в покое, но голоса не было, и пересохшие, растрескавшиеся губы не шевелились. Кирилл никак не отреагировал на мои слезы, даже не смотрел на меня.

Он вошел в приемное отделение, пропитанное характерным для больниц запахом. Едким, терпким, вызывающим першение в горле. Мой конвоир, не стучась, пнул дверь и прошел в приемную, где за старым покосившимся столом дремал медбрат, свесив на грудь нечесаную голову. От нашего появления встрепенулся, недовольно подтер слюни и поднялся:

— Что еще?

— Вот, в лесу нашел, — Кирилл поднес меня к койке и уложил. В этот раз почти заботливо, явно играя на публику.

— Что с ней?

— Я откуда знаю! В крови вся! Машину мне всю испоганила.

Медбрат повернул меня на живот, тоже не проявляя особой нежности, чуть приподнял присохшую к ране ткань.

— Мать честная! — выдохнул, опалив ароматом перегара.

— Что? — Кир играл на полную.

— Собаки ее изодрали. Или волки.

— Бедная, — только в голосе сожаления нет совершенно, лишь холодная уверенность и приговор.

— Молодая девчонка, а так ее истерзали.

— Ничего, оправится. Зато наперед головой думать будет, и не станет соваться, куда не просят. Не маленькая, должна понимать, что в темном лесу звери водятся. Еще легко отделалась. Жива и ладно, — эти слова для меня предназначались. Сухие, предупреждающие, что все могло быть гораздо хуже.

Медбрат по внутреннему телефону вызвал врача и снова обратился к Кириллу.

— Как ее зовут?

— Понятия не имею, — хмыкнул Кир, поглядывая на меня исподлобья, — говорю же, нашел в лесу. Привез. Вам сдал. На этом считаю свою миссию завершённой.

— Оставьте свой номер телефона, вдруг вопросы возникнут.

— И не подумаю. Она мне никто, чем мог — помог, остальное меня не касается.

Спасибо. Спасибо Кирилл за помощь. Ты... ты настоящий друг. Снова начинаю проваливаться в беспамятство, не видя смысла в борьбе:

— Эй, ты что это задумала! Не смей! Не в мою смену!

В этот момент дверь хлопнула, оповещая о том, что бета клана Черных Тополей ушел, окончательно выкидывая меня из жизни стаи. А хмельной медбрат хлопал меня по щекам, совал под нос ватку с нашатырем — делал все, чтобы я не отрубилась до прихода доктора. Когда, наконец, в помещение вошел высокий, как жердь, сухопарый врач, он облегченно выдохнул, поспешно передавая меня в другие руки.

— Ты опять напоролся, что ли? — врач брезгливо поморщился.

— Никак нет, Семен Иванович.

— Эх, Белов, нарываешься. Твое счастье, что работать совсем некому, с то вылетел бы отсюда со свистом. Ладно, что тут, показывай.

— Вот в лесу нашли, зверье напало.

— Кто нашел?

— Мужик какой-то, он уже уехал.

Врач недовольно покачал головой и склонился надо мной:

— Так, давай ее в операционную. Чистить все надо, промывать и заштопывать.

Спустя минуту меня переложили на жесткую дребезжащую каталку и привезли вглубь здания в маленькую обшарпанную комнатку с гордой надписью "операционная". Перетащили на холодный узкий стол и начали срезать одежду, переговариваясь между собой о том, что сложное дежурство выдалось — никакого покоя, всю ночь на ногах, а потом сделали укол, и я поплыла, растворилась, теряя саму себя.

Пробуждение было тяжким. В голове дурман, все тело словно свинцом налитое, утянутое бинтами, как останки древней мумии. Больно, но боль уже другая. Ноющая, тянущая, раскатиная. Больше всего мучила жажда, так, что горло драло, и язык распух. Кое-как облизала пересохшие шершавые губы и осмотрелась по сторонам.

Маленькая, уныло серая палата с претензией на белизну. Окно, форточка которого вместо стекла затянута пленкой. Все здесь старенькое, неказистое, изношенное. На побуревшем допотопном экране высвечиваются мои ритмы, и каждый пик синусоиды сопровождается тихим писком.

Я с трудом пошевелила пальцами рук и ног, убедившись, что чувствительность есть. Шум в голове мешал сосредоточиться, не давал снова окунуться в безрадостные мысли, держал на плаву, как утлая лодочка. Опять повела взглядом по сторонам, ища кнопку вызова врача. Здесь нет модных датчиков, крепящихся к пальцу, нет пультов под рукой — ничего нет, кроме жесткой койки, застеленной бельем, пропахшим сыростью. Хотелось встать, но не могла даже приподняться на локтях — такая слабость невероятная, что сразу голова закружилась, и горькой волной накатывала тошнота. Сдалась и с тихим стоном опустила обратно на твердую, словно кирпич, подушку.

Проклятье, чем они меня накачали? Сама себя не узнаю, не чувствую. Все как-то не так, неправильно. Надо поспать, избавиться от дурмана в крови, прийти в себя и по-тихому покинуть это царство скорби и печали. Они мне помогли, не дали уйти за грань, с того света вытащили, дальше я сама. Пусть у меня не такая бешеная регенерация, как у самцов, и тем более не как у альфы, у которого за ночь глубокие раны затягиваются, но все равно волчья натура поможет вылечиться быстрее. Неделя — и буду как новая.

А сейчас спать. Неимоверно тянуло в сон, поэтому перестала сопротивляться и закрыла глаза.

Следующее пробуждение — от громких голосов, от того, что хлопают по щекам, пытаюсь добудиться. Приоткрыв один глаз, тут же зажмурилась от света, бывшего в глаза, отдавшего пульсирующей болью в висках.

— Очнулась? — спросил резкий голос, и я узнала того врача, что был в приемной.

Слабо кивнула, больше не делая попыток разлепить веки.

— Как самочувствие?

Опять с трудом облизнула губы, и он догадался о моей жажде:

— Сейчас медсестра придет. Потерпи минутку. Операция прошла хорошо, повреждений внутренних нет, разодрана лишь мышечная ткань. Швы наложили, но сразу предупреждаю — заживать долго будет и сложно, не один месяц, потому что лохмотья еле собрали. Крови много потеряла, пришлось переливать. Антибиотиками тебя заливаем, потому что от зверья что угодно могла подцепить, и уколы от бешенства...

Слушала его рассеянно, кивала невпопад, а в душе пусто. Будто не про меня рассказывал, про кого-то другого, чужого.

— ...Мы тут похозяйничали, влезли в твой рюкзак, нашли документы. Бекетова Татьяна Васильевна.

Снова кивнула, будто ничего другого не умела, и сморщилась, как от боли, услышав свою фамилию. Бекетова. Счастливая жена альфы Черных Тополей. Точно не обо мне, не о разбитой, брошенной, несчастной чужачке, так и не ставшей «своей» для стаи.

— Друзья, родственники?

Отрицательно качая головой. Никого у меня нет. Ни друзей, ни родственников. Одна. Снова.

— Ладно, обсудим это позже, когда в себя немного придешь, — врач проверил показания приборов и ушел.

Правда, одна я оставалась недолго — через минуту в палату вошла медсестра и всерьез взялась за меня: напоила, помогла лечь удобнее, проверила бинты, сделала уколы. После этого я снова заснула.

Опять пробуждение, в этот раз ночью. Редкие звезды сиротливо заглядывали в окно, словно боясь потревожить мой сон. Я осторожно пошевелилась, испытывая страшное разочарование. Состояние не улучшилось: все та же боль, та же скованность. Никаких улучшений. Черт. Когда же восстанавливаться начну? Быть больной и слабой так плохо, так непривычно. Эти лекарства, которыми меня поддерживают — только вредят, голова с ними чудная, сил нет, и зверь внутри спит, никак себя не проявляя. Надо отказаться от обезболивающих, потому что сама справлюсь быстрее, стоит только химии из крови выветриться!

Наутро, посчитав мое состояние стабильным, меня перевели в общую палату. Пять раздолбанных скрипящих коек с зелеными прорезиненными матрасами на тот случай, если пациент совсем слаб и ходит под себя. Мне досталось почетное место у окна у батареи, которая, к счастью, не работала, а то от жары задохнулась бы. Кроме меня в палате лежали еще две женщины: одна спала, отвернувшись лицом к стене, а вторая что-то постоянно бубнила и вскрикивала. Как мне потом сказали — пациентка дурдома, вышедшая гулять со второго этажа. Настроение совсем упало, когда поняла, что тишины не предвидится — буйная соседка не успокаивалась ни на минуту, и несмотря на то, что обе ноги сломаны, порывалась уйти.

В положенное время медсестра принесла капельницу, намереваясь влить мне новую порцию лекарств.

— Что тут? — просипела еле слышно — сорванный голос не спешил восстанавливаться, и сил не хватало, чтобы сказать громче.

Она монотонно перечисляла лекарства, ни одно из которых я не знала. Я вообще лекарств не знала, потому что оборотни не болеют, на них все заживает, смешно сказать, как "на собаках", и сейчас, слушая заковыристые названия, я приходила в уныние. Это сколько всего в меня вливают!

— Уберите обезболивающие.

Она посмотрела на меня, как на безумную:

— Девушка, вы о чем? У вас швов больше, чем на этом халате! — бесцеремонно махнула на свою одежду, — как вы без обезболивающих планируете держаться? Кулаки кусать? Орать, как вон эта...

Снова кивок, на этот раз в сторону безумной соседки по палате.

— Мне не нужно обезболивающих, — произнесла тихо, но твердо, — запрещаю. Если надо — письменный отказ подпишу!

Мне было важно избавиться именно от них, я была уверена, что именно из-за этих препаратов я вялая и плохо соображаю, и волчица не проявляет активности. Медсестра нахмурилась, глянула на меня так, будто в этой палате не одна клиентка дурдома, а две, но обезболивающие не вколола.

Что ж маленькая победа на пути к выздоровлению.

К вечеру меня накрыло по полной. Болело все. Кажется, я чувствовала каждый миллиметр искромсанной кожи, каждый пульсирующий шов. Шевельнуться нельзя, сразу огненные когти впились в тело, до слез, до стонов. Но я держалась, слезы глотала, но держалась. И не это самое страшное — не физическая боль, а душевная.

Как же так? Почему? За что он со мной так? За проступок, которого вроде и не было? Почему не стал слушать, а просто вынес приговор и сам же привел его в исполнение? Руслан... Мы же... мы же так любили друг друга. Я и сейчас тебя люблю, до дрожи, до ломоты в истерзанном твоими когтями и зубами теле. Люблю и умираю от тоски, от горечи. Стоит только подумать, что все, конец, и дышать невозможно. Как я без тебя? Любимого, родного. Предавшего...

Ведь не я, ты меня предал. Ты!

Ночь превратилась в не прекращавшийся удушающий кошмар. Я кусала губы до крови, сжимала кулаки, чтобы не закричать, а едва, измученная, проваливалась в сон, из всех щелей лезли монстры. Жуткие, жестокие, скалившие волчьи пасти, глядевшие на меня янтарными глазами с золотой каемочкой. Сначала я умоляла его пощадить, пыталась лаской погасить жестокий огонь в глазах, уговаривала, а потом убегала. Бежала, ползла, захлебываясь слезами и ужасом. И он всегда настигал меня, набрасывался, и я чувствовала, как его зубы впиваются в мою плоть. Просыпалась с криком, с дико бившемся сердцем, с мокрым от слез лицом. Все страшные ощущения постепенно отступали, а на их место проникали ядовитые щупальца страха. В ту ночь он научил меня бояться до панической атаки, до паралича, до безумного желания сбежать.

Мне снился то лес, то наш дом, то эта палата, но итог всегда один — Руслан меня настигал и уничтожал, раз за разом. Словно пленку заело на самом жутком моменте.

Утром легче не стало. Разбитая, уставшая, с опухшим лицом, лежала и рассматривала свои тонкие руки, покрытые ссадинами и синяками. Когда же боль пройдет? Я устала. Не могла бороться с ней и со страхом одновременно. Они меня выматывали, не давая передышки. Почему я не излечиваюсь? Что не так?

Или организм еще не освободился от ненужных лекарств. Надо еще потерпеть, да? Не знаю, получится ли.

И я ждала. Губы в кровь закусывала, упрямо от лекарств отказывалась, но ждала, когда организм проснется и начнет спасать сам себя. А он не просыпался. Ни к следующему вечеру, ни к утру, когда уже перед глазами кровавые круги от боли плыли. Ну сколько можно? Очнись! Жизнь продолжается, надо на ноги вставать, влачить дальше свое никому ненужное существование! Я даже разозлилась — хоть на это сил хватило! Глаза прикрыв, в себя ушла, пытаюсь настроиться на мирный лад, на выздоровление. Потянулось к своей второй сущности, ожидая привычного отклика, но в ответ тишина. Ни единого шороха. Похоже, моя волчица ослабла больше, чем я. Снова потянулась к ней, но результат тот же. Уже чувствуя, что случилось что-то страшное, непоправимое, раз за разом пробовала, но неизменно натыкалась на пустоту. Холодную, звенящую, наполненную горьким эхом.

Волчицы не было! Она не притихла, не была ослаблена, как мне показалось изначально, она просто исчезла. Растворилась, оставив меня одну. Осознание этого страшного факта напугало меня еще больше. Я копалась сама в себе, умоляла ее откликнуться, помочь, не бросать меня, но все бесполезно. Я даже была готова, наплевав на осторожность, перекинуться прямо в больницу, но не могла.

Я осталась одна!

Это меня добило. Уже не замечая ничего вокруг, сорвалась в истерику, с криками, рыданием, заламыванием рук. Почему так происходит? Почему именно со мной?! Не замечая боли,

поднялась с постели, чувствуя, как трескаются засохшие раны. Сделала несколько неуверенных шагов на ослабших дрожавших ногах и упала, когда бедро прострелило острой болью. Завыла, заревела в голос, и в палату, наконец, вбежали медсестра с врачом.

— А ну-ка успокойтесь! Татьяна! — строго сказал врач, пытаюсь меня поднять, а я кричала, отталкивала его руки. — Да успокойся же! Швы разойдутся!

Не могла успокоиться, пыталась ползти, пыталась избавиться от черной пустоты внутри, сбежать от нее. В итоге уложили обратно на койку силой и сделали укол, от которого напала слабость, и я против воли в сон провалилась. Мутный, тошнотворный, пронзительный в своей безысходности.

В ту страшную ночь в лесу я потеряла все: любовь, друзей, семью, саму себя.

У меня ничего не осталось. Ничего!

За что, Руслан?

За что ты это сделал со мной? За что ты меня уничтожил?

Дальше все как в пелене.

Страшные ночи, когда стоило прикрыть глаза, и со всех сторон слышался волчий вой. Два разных голоса — один свирепый, угрожающий, обещавший расправу, а второй слабый, жалкий, угасающий, наполненный таким отчаянием, что душа на разрыв. Я бежала по лесу и кричала, умоляла "не уходи, вернись, не оставляй меня". И кому эти мольбы предназначались, не знала. То ли Бекетову, равнодушно уходившему прочь, то ли грифельной волчице, убегавшей поджав хвост.

Дни. Невыносимые, до краев наполненные беспомощностью, отрицанием жуткой правды. Руслан разорвал меня в клочья, и я сейчас не про гудящие шрамы, я про внутренний мир. Воля прайма настолько сильна, что разорвала связь человека с волком. Он изгнал мою волчицу, сделал все, чтобы я осталась абсолютна одна.

Он меня сломал. Вот так просто, не пожелав услышать, растерзал саму суть и отвернулся. Все от меня отвернулось.

Сначала я билась в истерике, в беспомощности звала его, умоляя все исправить. Кричала, срывала бинты, и все чаще меня накачивали седативными препаратами — никто не хотел слушать вопли девочки, изуродованной дикими зверями. Они не подозревали, что звери среди них, живут в свое удовольствие, решая судьбы тех, кто слабее.

Врачи в один голос говорили, что у меня шок, что пришло осознание случившегося, и меня просто терзают дурные воспоминания. Они не понимали масштаба катастрофы, не знали, что я наполовину умерла. Что каждый раз, пытаюсь нащупать свое волчье «я», хваталась пальцами за пустоту.

Потом накатила апатия, липкая, затягивавшая все глубже и глубже. Я не сопротивлялась, ждала, когда утону, захлебнусь, малодушно надеясь, что на этом мучения закончатся. Лежала часами, отвернувшись к стене и не шевелясь, вспоминая свою жизнь до этой больницы, до трагедии, до Руслана. Думала о том, как бы она сложилась, если бы тогда не пришла на тренировку и не столкнулась нос к носу с высоким, невозможно красивым оборотнем, опалившим меня янтарным взглядом. Помню, еле отзанималась, погрязнув в мыслях о нем, а когда вышла на улицу — обнаружила его на крыльце с букетом белых роз. Для меня.

Такое красивое начало и такой уродливый финал.

Выздоровление шло медленно, потому что теперь я не могла быстро восстанавливаться. Теперь я была просто человеком. Раны затягивались, а на их месте оставались некрасивые рубцы. Иногда я засовывала руку под больничную рубашку и, еле касаясь, проводила по буг-

ристым шрамам. Они со мной навсегда как напоминание о том, во что может превратиться красивая сказка.

Соседи по палате менялись, а я все так же оставалась на скрипучей койке — единственном пристанище в этом мире, которое у меня было. Врачи на удивление долго не решались меня выписывать. Видать, мое состояние было совсем плачевным, раз не гнали и продолжали лечить. А я боялась думать о том, что будет, когда, в очередной раз осмотрев меня, медик скажет "здорова, собирай манатки и проваливай".

Потому что проваливать некуда! У меня за душой ничего нет. Ладно, Кирилл смиловился и рюкзак мой не бросил. Хотя документы есть, хоть что-то подтверждающее, что я существую.

Как-то в палату привезли женщину, сломавшую ногу, да так неудачно, что ее положили на вытяжку. Мы с ней иногда разговаривали, осторожно, натянуто, но она была первой из простых людей, с кем я пошла на контакт. Благодаря ей снова научилась разговаривать, выходить из того вакуума, в который сама себя загнала. Она мне с одеждой помогла — попросила дочь принести старые вещи, пылившиеся на чердаке.

Так я разжилась бельем, джинсами, что жалко висели на моей исхудавшей заднице, парой футболок, рубашкой и курточкой.

Хоть что-то! Мою одежду Руслан в клочья разодрал, спеша привести приговор в исполнение.

За окном набирала обороты осень. Все чаще солнце пряталось за внезапно налетавшими тучами, мелкий дождь уныло тарабанил по подоконнику, отбивая мелодию уходящего лета.

Я была практически здорова — раны зажили, покрылись грубыми, припухлыми, темно-красными рубцами, подвижность тела почти восстановилась, хотя нагибаться было больно, словно кожи не хватало. Конечно, до полного восстановления дорога долгая, нужны силы, время, деньги. Но у меня этого нет. Вообще ничего нет.

Плевать.

Я даже не пыталась заниматься лечебной физкультурой, необходимой для восстановления порванных мышц. Лениво повторяла упражнения за врачом, а потом забывала, махнув на все рукой. Зачем мне это надо? Жизни остались лишь обломки, так какая разница восстановлюсь полностью или нет? Разве кому-нибудь есть до этого дело?

Истерики осталось в прошлом, зато апатия прочно укоренилась и не желала отступать. Я упрямо гнала от себя все воспоминания о Бекетове: хорошие, плохие — любые. Все это неважно. Пусть уходят, потому что нельзя вспоминать. Это больно. И страшно. Всеми силами пыталась разлюбить его, убеждая саму себя, что нельзя любить чудовище, но глупое сердце тосковало, страдало по тому, кто меня разрушил, не хотело забывать. Если любовь, то раз и на всю жизнь. Чертовы волчьи правила! Я же больше не подхожу под них, не соответствую, но не могу себя перебороть. Волчья преданность осталась со мной. Неутешительный расклад.

А как там мой убийца? Тоже скучает, или смог избавиться от наваждения? Смог победить петлю истинной связи, что стягивала нас намертво? Пытается забыться с кем-то другим? Впрочем, меня это больше не касается, он от меня отказался, я для него — никто.

Не хочу об этом думать. Больно. Я устала от боли.

В то утро врач вошел в палату бодрой пружинистой походкой и, прихватив старенький стул, стоявший в углу, сел напротив меня. Открыл карту, беглым взглядом прошелся по результатам анализов, потом посмотрел рубцы, удовлетворенно кивая и многозначительно произнося "угу", а затем сказал то, чего боялась до дрожи:

— Поздравляю, мы вас выписываем.

— Уже? — произнесла потерянно, теребя пальцами край старенькой футболки.

— Уже?! Милая, ты наш самый долговременный пациент, почти три месяца пролежала, — мы с ним давно перешли на «ты», — пора уже на свободу.

Мне не нужна свобода, здесь хоть иллюзия дома, а что мне делать там, за дверями больницы? Врач нахмурился:

— Тебе есть куда идти? — взгляд пристальный настороженный.

И я опять вру, слабо улыбаясь:

— Конечно, есть, к родственникам в деревню поеду.

— Ты же сказала, что нет родственников.

— Близких нет, — снова соврала, — а седьмой воды на киселе навалом.

— Уверена?

— Естественно, — попыталась надеть маску уверенности, только это сложно — я научилась чувствовать себя уверенно.

— Ну, смотри сама, — с сомнением покачал головой, — а то, может, в соцслужбу обратиться?

— Не стоит, — улыбнулась скованно, — у меня все под контролем.

Ни черта подобного!

Кажется, мир потерял краски, поблек, размытыми мазками подступал со всех сторон, давя, угрожая, лишая покоя. Крыльцо обветшалой больницы, где три месяца существовала бледной тенью — последний рубеж, который надо преодолеть. За которым — новая жизнь. Пустая, такая же блеклая и бессмысленная, как и все вокруг. У меня ничего нет, кроме рюкзака за плечами: ни дома, ни семьи, ни любви, ни половины самой себя. Волчицы нет! И я не знаю, по какому поводу устраивать траур. Все вместе навалилось, смяло, придавило к земле так, что ни подняться, ни вздохнуть.

Одна, никому не нужная, вышвырнутая на улицу, беззащитная. Оставалось только забиться в тихий угол, спрятаться от чужих глаз и попробовать жить дальше. Есть ли в этом смысл? Не знаю. Я так устала от боли, от одиночества, что кромсало на части похуже самого жестокого палача. Я ничего не хочу.

— Девушка! Что вы на дороге встали, а? — проворчала измученная бытом женщина, с большими пакетами. — Ни пройти, ни проехать.

— Извините, — прошептала, отступая в сторону.

— Извините! — передразнила меня некрасиво и спустилась вперевалочку по ступеням.

— Понаедут блаженные, нормальным людям пройти негде.

Блаженная... это про меня. А как иначе можно назвать дуру, поверившую в сказку, финал которой закономерен — с размаху и на острые камни, вдребезги.

Шаг вперед на дрожащих ногах под открытое грустное небо... еще один. Так странно идти, когда нет цели, нет места, в котором ждут, в которое можно вернуться.

Неприятная ломота в теле — я отвыкла ходить. У меня нет сил, шрамы ноют, давят, стягивают кожу горячими жгутами, а к вечеру начнут гудеть, пульсировать, реагируя на каждое движение.

Где я буду вечером? Куда идти? Пожалуйста, кто-нибудь, скажите — куда мне идти? Ведь все куда-то идут! Все! Не может же такого быть, что человек нигде не нужен.

До меня нет никому дела. Прохожие бегут по своим неотложным делам, и никто не обращает внимания на потерянную несчастную девушку, растерянно стоявшую посреди улицы.

Есть не хотелось, бесцельно бродила по городку, пока не начали сгущаться сумерки, а вместе с ними стали просыпаться старые страхи. Паника. Я задыхалась, словно в замкнутом помещении.

Мне некуда идти. Некуда! Эта мысль звучала в голове набатом. Перед глазами наш уютный дом с Русланом, приветливая кухня, теплая спальня, гостиная с большим камином. Мне до боли в груди хочется туда! Разуться, подняться по светлой лестнице...

Проклятье, я сейчас сдохну от этих ощущений, от беспомощности, ломающей изнутри, от безысходности.

Как же так... Почему...

Я устала задавать себе этот вопрос, устала искать несуществующие ответы. От всего устала. Больше не хочу. Ничего не хочу.

А мимо меня по дороге неслись машины, рыча моторами, сигнали. Такие сильные, быстрые. Если попадешься под колеса — уже не выберешься. Один удар, одно столкновение — и все. Конец. Боли, одиночеству, ночным кошмарам. Конец всему. Так страшно, так притягательно, так мучительно желанно.

Сама не заметила, как подошла к бордюру и замерла на самом краю, взглядом встречая несшиеся навстречу автомобили. Может, шагнуть? Один шаг — и все.

Я сдалась, проиграла. Хватит. Вперед качнулась, ногу для шага занесла и ступила на проезжую часть. Тут же под локоть подхватил кто-то и с силой дернул назад, так, что едва на асфальт не повалилась.

— Что ты творишь? Жить надоело? — надо мной, подозрительно присматриваясь, нависал незнакомый мужик, а с меня словно морок какой спал, пелена исчезла.

Не хочу я умирать. Не хочу!

— Простите, я задумалась, — промямлила, осторожно высвобождая локоть из его цепкой ладони.

Он не отпускал, продолжая всматриваться в мою растерянную физиономию, видать, совсем чумной выглядела, раз продолжал удерживать, справедливо подозревая в суицидальных помыслах.

— Интересно, о чем?

Метнула взгляд через дорогу, как раз напротив нас автовокзал располагался, такой же серый, как и все остальное, неприветливый, на стоянке перед ним пяток автобусов старых.

— О дороге, — соврала, махнув в сторону вокзала, — думала, смогу перейти здесь, путь до светофора срежу.

— Ненормальная! Ради трех минут жизнью рисковать, — он поверил моим оправданиям и отпустил.

— Вы правы, глупо получилось. Спасибо, что помогли вовремя остановиться, — кивнула и, обойдя его, действительно к переходу направилась, — спасибо.

Он лишь головой покачал, провожая осуждающим взглядом.

— Подскажите, какой автобус отправляется в ближайшее время? — спросила в маленьком окошечке привокзальной кассы.

— До Колобова, — не полнимая взгляда от книги, ответила кассирша.

— Дайте билет, пожалуйста, — выложила деньги в пожелтевшую пластиковую подставку. Она молча пробила билет, отсчитала сдачу и передала мне. — Спасибо.

Деньги засунула в карман джинсовой куртки и вышла на улицу, сжимая билет в потной ладони. Я не знаю, что это за место, не знаю, сколько до него ехать. Ничего не знаю, и мне все равно. Колобово или любая другая дыра — все одно.

На стоянке ожидал пассажиров желтый пованивавший дурными выхлопами ПАЗик. Пустой. Никто, кроме меня, не жаждал отправиться до конечной станции. С каждым мигом сомневаясь все больше, я протянула билет седой кондукторше. Она въедливо вчитывалась в плохо пропечатанные буквы, будто я ей билет не до захудалой деревни протянула, а как минимум претендовала на миллион долларов. Потом деловито и гордо щелкнула компостером — пережитком прошлого, и, кивнув в салон, скрипуче произнесла:

— Проходите.

Я заняла место у окошка, прижав к себе рюкзак, и затравлено смотрела на улицу, окутываемую вечерним сумраком. Куда же я еду? А главное — зачем? И сама себе ответила: бегу от прошлого, от всего, что было дорого, от Руслана, не поверившего, не простившего, подписавшего смертный приговор. Может, расстояние спасет? Поможет найти саму себя. Хотя... нечего искать, от меня остались только обрывки.

К моменту отправления в автобус зашли всего трое: бабка с дедом, тащившие тяжелые авоськи, да подросток в наушниках и кепке козырьком назад. Автобус затарахтел, затрясся, пару раз громко и выразительно чихнул и со скрежетом рывком тронулся с места. Медленно, словно через силу, катил по узкой разбитой дороге, скрипя то жалобно, то грозно, нещадно подпрыгивая на каждой кочке, и каждый звук отзывался в душе тоской. Я уезжала в неизвестность, потому что меня изгнали, лишили права вернуться, бросив на произвол судьбы, и я осознала это не в больнице, а здесь и сейчас.

Я говорила, слезы кончились?

Врала.

Сидела, отвернувшись ото всех, и тыльной стороной ладони украдкой размазывала по щекам горькие капли.

Глава 7

Бекетов

Голова трещала, грозя треснуть пополам. Такого жуткого похмелья у меня не было с тех пор, как... Да никогда такого не было! Так, чтоб горечь во рту, нескончаемый шум в висках, и к горлу горячей волной подступала тошнота. Сколько я вчера выпил? Даже представить страшно. Сидел в захудалом баре, глушил водку по-черному, не закусывая, опрокидывал в себя стопку за стопкой, пытаясь заглушить пожар в душе, залить тоску, что с каждым днем становилась все сильнее, все отчаяннее. Я хотел к НЕЙ. Несмотря ни на что! Чертова связь сводила с ума.

А еще совесть, сука, проснулась. Перед глазами тот вечер как наяву стоял, когда сорвался, не удержал своих демонов на привязи. До сих пор помнил вкус ее крови, а ее крики и слезы преследовали по ночам, являясь в ледящих душу кошмарах. Какого черта я просто не вышвырнул ее из Тополей? Пусть бы катилась на все стороны... целая, невредимая. Сжал кулаки до хруста, пытаясь отогнать наваждение: взгляд бездонный, как сама ночь, наполненный слезами и горьким разочарованием. Она до последнего не верила, что наброшусь.

Укол под сердцем. Еще один. Еще... Невозможно остановиться. Волк внутри жалобно скулил, тосковал, рвался за ней. У зверя все просто. Он уже забыл дикую ревность, не мучился сомнениями, его одолевало лишь одно желание — быть с ней. Почему у людей все иначе? Нахрена эти размышления, эти мысли «а что, если»?

Думал, продолжая пить, как алкоголик со стажем. Не зная меры, не чувствуя грани. Только не помогало ни черта. Ловил себя на абсурдной мысли, что жду ее звонка, как безумец мечтаю услышать нежный голос. От этого злился, приходил в ярость. Не позвонит! Потому что жила своей жизнью, отдельно, забыв обо всем... наверное.

На выходе из бара сцепился с компанией татуированных здоровенных байкеров. Слово за слово — завязалась драка, которой я упивался. Расшвырял их как щенков слепых, на миг почувствовав себя чуть лучше вплоть до того мига, как вспомнил другую ночь, другие броски, другую ярость.

Потом подцепил какую-то размалеванную девку, жадными глазами скользившую по машине, припаркованной в тени. Мысленно она уже была в ней, на кожаных сиденьях, с раздвинутыми ногами. Здесь я ее обломал, завел за угол в темный переулок, нагнул раком, намереваясь отодрать по-скотски, прижав к стене, накручивая жесткие пережатые волосы на кулак. Только не смог. Противно стало до тошноты, когда липнуть ко мне начала. Нахлынуло ощущение, будто тону, и жизнь моя идет под откос.

Очнулся уже дома, в своей комнате. Не раздеваясь, повалился поверх покрывала и вырубился, прожив еще один никчемный день.

В эту ночь не было снов, кошмаров, меня не преследовал ее плач. Лишь серая пустота обступала со всех сторон, не принося успокоения.

А потом настало утро. Еще одно утро, полностью лишенное смысла.

Подтянув футболку ближе к носу, принимался. Пахло отвратно — сигаретным дымом, дешевыми бабскими духами и еще каким-то дерьмом. Кое-как стащил ее через голову, отшвырнул на пол и уставился в потолок. Сколько было времени, я не знал. Наручные часы пропали — наверное, вчера в пылу драки разбил, даже не заметив этого. Судя по внутренним ощущениям — около полудня, в окна лился яркий солнечный свет, вызывая желание забиться в темный угол и не показывать оттуда носа, пока чертово похмелье не отступит.

Через пять минут понял: если не приму душ, эта вонь добьет меня. И без того мутит. На ходу расстегивая джинсы, пошатываясь, отправился в ванную, ненавидя в этот момент весь мир. Чередую горячую и холодную воду, стоял под упругими струями, упершись руками в матовое запотевшее стекло, опустив голову, прикрыв глаза, пытаясь прийти в себя. Хер бы там!

Голову будто тисками сжимало, каждый поворот отдавался звоном в ушах. Сука, зачем так надрался? Можно подумать легче стало! Ладно еще сегодня встреч нет никаких, а то Кирилла пришлось вместо себя отправлять.

В шкафу, в отличие от моей гудящей башки, полный порядок. Домработница свое дело знала, незаметно для меня тихой тенью делала всю работу по дому. Не придраться. Из ровной стопки взял спортивные брюки и, небрежно натянув их, пошел вниз, на кухню. Мне срочно требовались кофе и пара таблеток анальгина. Сколько же я вчера выжрал, если даже с волчьей регенерацией так херово? Кретин.

Кофемашина громко гудела, перемалывая зерна, а ощущение было, будто дрелью мозг обрабатывали. Сейчас точно стошнит! Заммурился, крепко сжимая пальцами переносицу и чувствуя себя практически трупом. Таблетки, наспех запитые холодной водой, не помогали, кофе казался отвратительным, как и все, на что натыкался взгляд. Тогда я еще не догадывался, что через считанные минуты все изменится. Что и без того поганый день станет худшим в моей жизни.

— Руслан! — донесся пронзительный крик с улицы. Голос незнакомый, женский, хриплый, как у старой вороны. Развернувшись вполоборота к окну, прислушался, очень надеясь на то, что показалось. — Руслан! — ближе, громче, надсаднее. — Руслан! Бекетов!

Черт. Ну что за херня? Почему бы им всем не оставить меня в покое?!

Нехотя направился к выходу, а крики становились все надрывнее. Эта безумная уже вопила возле моего крыльца, и когда я вышел на улицу, вокруг уже собралась толпа зевак: соседи, те, кто проходил мимо, откуда-то прискакал Кирилл, даже Наташка и та подступила ближе, подозрительно рассматривая кричавшую женщину.

Она выглядела совершенно безумной: всклокоченные черные волосы, местами приправленные седыми прядями; неровно покрашенные с подтеками туши глаза — большие, на выкате, с нездоровым блеском; перекошенный рот, намалеванный жуткой красно-оранжевой помадой. На ней был пестрый застиранный махровый халат до самых пят, с развязанным поясом, конец которого волочился по земле, резиновые шлепанцы поверх носков.

От ее вида волосы на загривке встали. Жуткая!

Волчица! Чужая, незнакомая! Куда смотрит охрана, мать их?! Убью! Пропустить чужака на территорию стаи!

Ее взгляд был прикован только ко мне. Злой, безумный, торжествующий. Всех остальных она просто не замечала. Только меня.

— Руслан! — снова прокричала несмотря на то, что я уже был близко. Карканье старой вороны — иначе и не скажешь.

— Заткнись! — осадил, спускаясь по ступеням. Она тут же замолчала, не в силах побороть мой приказ. — Кто ты? И какого хрена делаешь на моей территории? — злость, что распознала по венам, действовала лучше любого анальгина. Я почувствовал, как похмелье начало отступать.

— Плохо выглядишь, — глумливо улыбаясь, произнесла она, вызывая еще больший гнев.

— У тебя есть минута, чтобы сказать, зачем ты здесь. Время пошло.

Вышвырну ее, как дворовую шавку, собственными руками.

Она сделала шаг ко мне, заглянула в глаза и тихим голосом, от которого мурашки вдоль хребта поскакали, спросила:

— Каково оно, Руслан?

Зашибись! Вслух же произнес:

— Двадцать секунд прошло. Твои загадки разгадывать не собираюсь.

— Как тебе живется... без пары?

Словно ледяной водой облили. Волк внутри тут же вскинулся, оскалил зубы.

— Проваливай!

— Не ломает от того, что все закончилось, а?

Сука, еще как ломает! Только это мое личное дело! И какая-то косматая шалава сильно рискует, задавая такие вопросы.

— ...А как тебе, осознавать, что сам — своими собственными руками — выкинул ее? Растерзал? Приятно?..

Какого хера?! Откуда эта баба знает о том, что между нами произошло?

— ...Ночами нормально спится?..

Не задумываясь, схватил ее за ворот так, что ткань жалобно затрещала, расплываясь под моими пальцами, а она без капли страха смотрела мне в глаза, не скрывая триумфа:

— ...Подыхаешь без нее, да? — выплюнула, презрительно скривив губы. — Но поверь — это еще только начало.

Встряхнул ее грубо, еле сдерживаясь, чтобы не обратиться, не показать ей, как умею терзать.

— Я не понимаю, что за игру ты затеяла, но мое терпение на исходе.

— Мне нечего терять, Бекетов. По твоей вине я уже давно не живу, а лишь влачу жалкое существование, мечтая подохнуть.

— Могу устроить запросто.

— Я готова, — пожала плечами, и я понял, что ей действительно нечего терять. Она пустая. — Ты знаешь, что такое Царецветка?

В душе не ведал что это. И мне насрать. С каждой секундой зверел все больше.

— ...Маленькая травка, что растет на Алтае возле ледников. Красивая, нежная, но коварная, как гремучая змея, — засунув руку в затертый карман, достала маленький пузырек с бурой жидкостью, — ни один оборотень не учует ее следов. Даже такой как ты...

Смотрел на этот пузырек, и ощущение надвигающейся катастрофы поднималось из глубины души горячими волнами. Отведенная минута давно вышла, а я так и не выгнал эту половую, слушал ее бред, уже понимая, что ее слова будут роковыми.

— ...Твоя волчица так беспечна, когда счастлива, когда со своими подружками сидит в кафе, — бросила липкий взгляд в сторону побелевшей Наташи, — можно узнать много интересного, просто сидя за соседним столом, да и в сумку подбросить маячок не составит труда. А потом просто ждать, когда она окажется одна, не под твоим чутким присмотром. Я специально ждала твою пару в торговом центре. Ходила за ней следом, наблюдая, как она выбирает подарок любимому мужчине... тебе, — хмыкнула она, вызывая практически непреодолимое желание свернуть ей шею, — как светятся ее глаза. Она была такой счастливой! Такой доброй, такой отзывчивой. Она — естественно — не могла пройти мимо пожилой женщины, еле стоящей на ногах. Твоя волчица была так добра, сама предложила помощь. Переживала, удобно ли ей, не тяжело ли...

Каждое ее слово, комком льда падало за шиворот, вымораживая изнутри.

— ...А потом она так же учтиво донесла эти сумки до квартиры в захудалом районе. Такая умница. Как же было не угостить ее ароматным чаем? — демонстративно покрутила пузырьком перед моими наливавшимися кровью глазами. — И девочка поплыла, не понимая, что с ней происходит. И молодого оборотня, который пришел спустя нужное время, не прогнала. А я смотрела на них, упиваясь происходящим, приходя в дикий восторг от мысли, что это конец. Твой конец. Каково это — почувствовать на любимой запах другого, а? Ты ведь озверел, контроль потерял? Там уж не до выяснения обстоятельств было, да? Убивать захотелось?

Наталья, стоявшая неподалеку, с тихим всхлипом зажала рот рукой, и в огромных карих глазах сестры светился такой ужас, что дышать не получалось. Сам я не воспринимал происходящее — не мог... не хотел верить словам чужой волчицы.

Она снова полезла в карман и извлекла серую флешку с испаряющимся корпусом:

— ...Держи, посмотришь на досуге, — бесцеремонно запихала ее мне в карман, — я надеюсь, теперь ты сдохнешь от осознания произошедшего. Ты считал себя Богом? Считал, что вправе ломать чужие судьбы? Лишать других самого дорогого? Вот теперь сам барахтайся в этом дерьме! Наслаждайся! Она ни в чем не была виновата, разве что в излишней доверчивости. А ты ее изодрал, изгнал из стаи. Каково это — знать, что сам все испоганил, наказал невинного? Знать, что свою собственную пару вышвырнул из своей жизни ни за что?

Мне казалось, будто на меня небеса упали, придавив к земле, пронзая острыми осколками, размазывая по земле. Сказать бы, что эта тварь бредит, несет околесицу, но это не так: я чувствовал, что каждое ее слово — это гребаная правда. Уродливая, жестокая, отвратительная. Я ведь тогда — год назад — ни на секунду не сомневался! Ни на миг! Вынес приговор "виновна" даже не пытаясь разузнать подробности! Все казалось таким очевидным, таким гадким! Таким....

Твою мать!

— ...Доходит, да? По глазам вижу, что доходит! — злобствовала она, наслаждаясь каждым своим ядовитым словом.

Не удержавшись, схватил ее за горло, сжимая безжалостно, наблюдая, как краснеет ее лицо, как судорожно открываются вульгарно накрашенные губы. Убью тварь!

— Руслан, — ко мне подскочил Кирилл, вцепившись мертвой хваткой в мою руку, — не надо!

Я не слышал его, не понимал. В голове пульсировало лишь одно — мою девочку подставили! Заставили всех поверить в ее вину. Вынудили меня собственноручно выступить в роли палача!

— Остановись! Если ты ее сейчас убьешь, мы не узнаем, кто еще за всем этим стоял! Не найдем остальных!

Капли здравого смысла просочились в мой разум, заставляя разжать пальцы. Волчица упала к моим ногам, некрасивыми руками хватаясь за шею, громко хрипя. Бульканье в ее горле переходило в сиплый надрывный смех, похожий на воронье карканье:

— Ради того, чтобы увидеть тебя вот таким, без вечной ублюдской заносчивости и снисходительности не жалко и умереть. Надеюсь, ты сдохнешь в том аду, который сам для себя устроил! Сам!

Снова шагнул к ней, намереваясь свернуть шею, но на моем пути встал Кирилл:

— Не смей! Она нам нужна!

Сука! Сука! Сука! Меня колотило так, что дыхание сбивалось. Тварь!

— Все разошлись, живо! — прорычал, окинув бешеным взглядом соплеменников, которые тут же начали расходиться, смущенно отводя глаза в сторону, и вид у них был такой растерянный, подавленный. Они тайком переглядывались между собой, молча, опасаясь моего гнева.

— Отвезти ее в Синеборье, — просипел, скидывая с себя руки Кирилла, — бросить ее в подвал! Не убивать! Я хочу знать все! Каждое имя! Каждую фамилию!

Кирилл лишь кивнул и, нагнувшись к ней, подхватил под локоть, грубо вздергивая вверх безумно хохотавшую женщину. Полы халата распахнулись, являя миру дряблое тело в застиранном белье, но она даже не обратила на это внимания. Не было сил на это смотреть, поэтому, резко развернувшись, бросился в дом. Сбежал. Кир за моей спиной отдавал распоряжения подоспевшим бледным как смерть охранникам. Ворвавшись в гостиную, не мог больше сдерживаться. Перекинувшись, начал крушить все, что попадалось на пути, бросался на стену, грыз, обдирая зубы. Что угодно лишь бы заглушить тот ад, что полыхал в душе. Думал до этого, что мне хреново? Ничего подобного — то был легкий дискомфорт по сравнению с нынешним ужасом. словно кожу содрали живьем, бросив в чан с серной кислотой.

Я сам все сделал! Сам! Не разобравшись, не проверив! Повелся на происки безумной карги! Черт с ним — со мной! Что тогда чувствовала Татьяна, когда вместо поддержки получила мою ярость? Лютую, неприкрытую. Я старался сделать ей как можно больнее, чтобы заглушить свою собственную боль.

— Руслан! — от дверей послышался настороженный голос беты.

Он смотрел на погром, что я учинил, на руины, в которые превратил гостиную. Пристально наблюдал за каждым моим движением, зная, что в таком состоянии я опасен для окружающих, в том числе и для него.

— Прекращай! Этим, — обвел комнату рукой, — ты делу не поможешь. Мы все виноваты. Никто ей не поверил, никто не поддержал, вся стая от нее отвернулась, никто не сомневался в ее виновности.

Бедная моя! Как же ей было страшно, одиноко, больно... Все были на моей стороне, и никого рядом с ней.

— Надо что-то делать. Нет времени на сожаления, на самобичевание.

Нет времени?! Его давно нет, как и меня самого. Уже целый год. С тех пор, как сотворил жуткую ошибку, за которую пришлось дорого расплачиваться, и не мне. Но Кир прав. Некогда. Надо исправлять хоть что-то. Внутри зашлось от отчаяния. Что исправлять? Я для нее превратился в чудовище, в безжалостного равнодушного палача, которого не интересует правда. Кое-как обернулся обратно, замер посреди комнаты, пытаюсь отдышаться, взять своего зверя под контроль. Сейчас нельзя идти у него на поводу.

— Я поеду в Синеборье сам. Мне нужны ответы на все вопросы. — я намеревался сам все из нее вытрясти, как прайм, чтобы не терять время на долгие расспросы, — а ты... найди ее.

— Это несложно, но что дальше?

— Привези ее.

— Как я это сделаю, Руслан? — мрачно поинтересовался он. — Таня не захочет сюда возвращаться. Не захочет видеть никого из нас... особенно тебя.

Он прав. Тысячу раз прав. Но отступить не могу.

— Вези!

— Предлагаешь силу применить? Опять?

— Вези, Кирюх. Как хочешь вези, — выдохнул, с силой сжав переносицу, потому что голова гудела, — главное — доставь ее сюда, а дальше — мое дело.

Я поручал ему это дело, потому что никому другому доверить ее не мог. И сам не мог — меня Таня хотела видеть меньше всего.

Он постоял еще немного, флегматично рассматривая учиненный мною беспорядок, потом кивнул:

— Хорошо, — и направился к дверям, — найми кого-нибудь, пусть порядок наведут до нашего приезда. Незачем ей это видеть.

Он ушел, а я стоял посреди руин, которые остались от моего дома, от моей жизни, и пытался понять, что делать дальше. Как исправлять последствия. Сердце бухало как ненормальное, дыхание — словно десяток километров пробежал, и внутри кипело все, бурлило, обжигая ядовитыми парами.

Мать его! Аж затрясло. Вот же суки! У меня не было слов, одни эмоции, от которых сносило крышу. Разрывало от желания ринуться за Таней прямо сейчас, хлопнуться ей в ноги и вымалывать прощение. На коленях готов за ней ползать. Да только кому это нахер надо? Уж точно не грифельной волчице, от которой все отвернулись, которую лично наказывал, зверея от вкуса ее крови.

Этим уродам не удалось заставить меня убить ее, но цели своей они добились. Подышал, горел в ядовитом пламени, и весь мой мир разлетелся в клочья. Бл*дь, ну как так? Какого

хрена я повелся, как слюнявая дворняга? Где были мои мозги? Почему и потом ничего не пытался выяснить, когда успокоился?

Взгляд упал на пузырек, валявшийся на полу. Гребаная отравка. Открыл его, принюхиваясь к бурой жидкости. Вообще нет запаха, ни намек. Капнул на ладонь, лизнул — горькое. Таня тогда говорила, что еда была горькой... Неужели вот эта жижа способна затуманить волчий мозг, превращая хищника в тупорылую овцу? Да не может этого быть! Я бы знал! Все бы знали! Я знаю, на ком проверю это чертово варево! Эта сука у меня все выпьет, до последней капли! Кулаки сжал так, что раздался жалобный хруст. Только сейчас понял, что кроме проклятого пузырька держал в руке флешку, которую всучила чужая волчица. Горечь растекалась во рту, когда смотрел на нее — страшно. Мне до одури страшно от того, что могу там увидеть. Должен! Потому что прятаться и закрывать глаза не имел права. Я должен увидеть своими глазами. Увидеть и сдохнуть! Заслужил.

Включил каким-то чудом уцелевший ноутбук, вставил флешку. На ней одна папка с циничным названием "для самого умного", а в ней — десяток видео. Я смотрел каждый из них, не позволяя себе прикрыть глаза, отвернуться.

Вот они зашли в убогую халупу. Старуха кряхтела и охала очень натурально, а Таня вокруг нее суежилась: сумку перехватила, тапки вонючие подала, на кухню проводила.

Затем видео, как на кухне сидели. Таня ела неспешно — видно, что невкусно, но воспитание не давало поморщиться и отказаться. Так и хотелось заорать: брось это немедленно! Наверное, даже заорал...

Следующий ролик. Другая комната. Бабка, которая до этого едва передвигала ноги, прошла мимо камеры бодрым, легким шагом. Открыла старый секретер, достала пузырек типа того, который лежал сейчас рядом со мной, откупорила его и, отсалютовав мне в камеру, будто бокалом вина, сделала несколько глотков. Сморщилась, зажмурилась — ее передернуло неслабо, потом вытерла тыльной стороной ладони бледный старческий рот, сжала пузырек в руке и вернулась обратно.

В очередном ролике крупным планом увидел, как она вылила это дерьмо в Танину кружку.

Проклятие, как же хреново наблюдать за тем, как она себя губила, ничего не замечая, не чувствуя подвоха. Какая же она доверчивая! Зачем пошла с этой тварью?

Остальные ролики вымораживали циничной безжалостностью. Смотрел их и от собственной беспомощности удавиться был готов. Оборотень пришел молодой, но уже какой-то обрюзгший, неприятный. Взглядом у старухи спросил, все ли в порядке, и та с довольным видом показала большой палец и громко произнесла: «Тут твой муж пожаловал». Растерянность Тани, когда его увидела, ее изумленное «Руслан, что ты здесь делаешь?», и меня словно огнем опалило. Господи, она действительно не видела подмены, не понимала, что перед ней кто-то другой. Неужели оно вот так действует? Достаточно слов, чтобы перестать соображать?

Еле дыша, открыл следующий ролик и, закусив кулак, смотрел на то, как этот урод тянет к ней лапы, а она, как ребенок, смотрит на него влюбленными глазами, называет моим именем. Дальше смотреть не смог. Слабак! Затошнило, потому что знал, что там будет. Они вместе. Моя волчица, уверенная, что с ней родной муж, и неприятного вида оборотень, который с самого начала ее лапал сальными взглядами.

Сука!

Оскар за лучшую режиссуру и сюжет. До печенок пробирало необратимостью, невозможностью ничего изменить. И мне медаль с титулом "долбо*б года". Надо же так налажать!

Последний ролик все же открыл, справедливо полагая, что там должно быть финальное послание, финальные аккорды драмы. На камере постель со спящей довольной Таней. Ублюдка уже нет, зато в поле зрения появилась страшная растрепанная волчица. Она с наигранной заботой поправила одеяло на худеньких плечиках, с циничным умилением погладила Татьяну по

щеке, а потом направилась к камере. Склонилась, демонстрируя свою опухшую уродливую физиономию, и голосом, похожим на воронье карканье, произнесла:

— Надеюсь, ты сдохнешь, когда увидишь это, — потом рассмеялась гадким смехом и выключила камеру.

Сидел, смотрел на черный экран, и не мог пошевелиться. Я не то что сдох, а развалился на кровавые ошметки, нырнул с содранной кожей в чан с кипящей щелочью.

Проклятье. Рукой зарылся в волосы, зажмурился изо всех сил, пытаюсь избавиться от картинки в голове, от Таниного нежного "Руслан, что ты здесь делаешь?"

Бедная моя...

А потом темный лес перед глазами, моя погоня, огненная лава вместо крови и желание расправиться, причинить столько боли, сколько и она мне. Крики и вкус ее крови. Такой сладкий, что хотелось выпить до самого конца.

С рычанием вскочил, отшвырнув от себя ноутбук. Он отлетел в стену, упал на пол и рассыпался грудой обломков.

— А-а-а-а! — вырвался из груди крик, и хотелось самому себе перегрызть горло.

Схватив чертов пузырек, выскочил из дома и, запрыгнув в машину, погнал в Синеборье. Эта сука мне за все заплатит.

Волчица сидела в подвальной камере на полу, привалившись спиной к кирпичной стене. Она встретила меня насмешливым взглядом победителя, вызывая только одно желание — разорвать в клочья. Но я сдержался. Это была бы слишком легкая смерть, а я хочу, чтобы она подыхала долго, пройдя все круги ада.

— О, великий и ужасный рогагоносец пожаловал! — просипела она и засмеялась.

Дернулся, еле волка своего сдержав — он слишком скор на расправу. Снова, как удар под дых. Почему тогда в лесу не сдержал его? Какого хрена позволил разорвать ту, которую любил?

— Пришел убивать меня? — в тусклых глазах вызов светился. — Ты опоздал. Я уже мертва!

— Я тоже...

Схватил ее за горло, поднял рывком с пола и в распахнувшийся рот влил все содержимое пузырька. Ладонью зажал, не позволяя выплюнуть. Глотай, дрянь! Глотай!

Она захрипела, закашляла, начала давиться от горечи, но проглотила все до последней капли. Я оттолкнул ее в сторону и непроизвольно вытер руку о брюки, словно к дерьму прикоснулся. Она побелела, как полотно, дрожащей рукой вытерла губы со смазанной рыжей помадой и по-мужски расхлябанно на пол сплюнула. А я наблюдал за ней, с удивлением замечая, как ее запах пропадает. Как для моих инстинктов, для моего обостренного волчьего чутья она превращается из оборотня в обычного человека. Не мог поверить. Смотрел на нее во все глаза, жадно воздух полной грудью втягивая. Чертовщина какая-то! Пусто! Если кто зайдет в камеру, то обнаружит только одного оборотня — меня. Невероятно.

У Тани не было шансов их учуять! Они все пили эту бурду, чтобы скрыть свою истинную природу!

Отдышавшись, посмотрела на меня, как на воплощение зла на земле. Чем я эту суку зацепил, чтоб вот такую ненависть заслужить?

— За что мстишь, старая? — сложив руки на груди, смерил ее тяжелым взглядом, накрывая волей прайма.

— Ты не помнишь? — она дернулась, пытаясь освободиться, но шансов не было.

— Нет привычки хранить в памяти всякое дерьмо, — отрезал, подчеркивая ее никчемность.

От этого она вспыхнула еще сильнее, на глазах становясь еще больше похожей на старую ведьму.

— Ты! Убил! Моего! Мужа!

— Конкретнее, — хмыкнул равнодушно, — я на своем веку многих отправил к праотцам.

— Вы пришли за нами на заброшенные склады! Напали! Истребили всю стаю! А моего Мирона ты сам лично прикончил, заставил на полу корчиться в агонии.

Перед глазами полыхнула картинка: полупьяный обрюзгший оборотень, толкавший речь перед своими шавками, и размалеванная потаскуха, висевшая на его руке, похабно ржавшая, хватавшая его за хозяйство. Только теперь узнал ее. В этой опустившейся, неопрятной, постаревшей на десяток лет тетке с трудом можно было узнать ту прожженную курву, размалеванную, словно попугай! Мы же всех убрали! Всех! Проверили каждую щель, никого живым не выпустили!

— Как ты уцелела?

— Я успела провалиться в тоннель под складом до того, как твои люди все перекрыли. Переждала там пожар!

— Мы бы нашли!

— Отвар Царецветки всегда со мной.

Вот и ответ на все мои вопросы. Как все просто. Все очевидно, как на ладони. Опять эта проклятая отравка. Куда не плюнь, везде она... А как быть с подменой, которую не заметила моя пара? Неужели одних слов достаточно?

— И что теперь, Бекетов? — спросила, в этот раз не скрывая ярости.

— Бекетов? Где ты видишь Бекетова? — продолжал ставить над ней эксперименты, пытаясь понять, как действует пойло. — Здесь его нет.

Волчица растерянно замерла, вглядываясь в меня, пытаясь понять, кто перед ней. Она меня не узнавала! Реально не узнавала! Да что это за дерьмо такое адское? Бурая жидкость дурманила волчьи мозги не хуже самой отъявленной наркоты, при этом оставаясь незаметной. Коварный враг. Хотел бы я найти того, кто это зелье придумал. Слишком дорого нам с Таней эта алхимия обошлась.

— Когда он вернется? — спросила она настороженно.

— Не сомневайся. Скоро. Очень скоро.

Это будет долгая ночь, и снова мне отведена роль палача. Я из этой суки вырву всю правду, вытрясу имена сообщников и накажу каждого за то, что они сделали с моей волчицей... За то, что они вынудили сделать меня! Они пожалеют, что на свет родились.

Только как быть с самим собой? С идиотом, которого развели, как малолетнего сопляка? С чудовищем, которое, не разобравшись, вынесло приговор? С тем, кто не поддержал свою пару, запросто поверив другим. И никакой поганой травой это не оправдаешь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.